

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ГЕНРИХ
ШЕСТОЙ
ГЛАЗАМИ ШЕКСПИРА

КОРОЛИ И КОРОЛЕВЫ АНГЛИИ

Александра Маринина
Генрих Шестой
глазами Шекспира
Серия «А.Маринина.
Больше чем История»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69555643
Генрих Шестой глазами Шекспира: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-191642-8*

Аннотация

Генрих Шестой – самая трагическая фигура на английском престоле – в новой исторической книге Александры Марининой.

Восьми месяцев от роду занял отцовский трон. В девять лет был увенчан французской короной. Казалось, сбылась золотая мечта Вильгельма Завоевателя о «единой и неделимой» Англо-Французской монархии. Но не срослось... Потерял Генрих Шестой, все потерял! Столетнюю войну проиграл Жанне д'Арк с ее орлеанцами. Братоубийственную бойню Алой и Белой роз не предотвратил. Месяцами находился в шизофреническом ступоре. Злые языки шептались, что жена, прекрасная Маргарита Анжуйская, неверна. Власть уплывала из рук, а он грезил об идиллической жизни пастуха и поэта. В 49 лет последний из династии Ланкастеров оказался очевидцем убийства своего

единственного сына Эдуарда и сам погиб в плену. Стоит ли удивляться, что творец принца Гамлета посвятил Генриху Шестому наиболее объемную свою пьесу!

Пригласив в качестве главного свидетеля самого Шекспира, Александра Маринина иронично и психологически убедительно рассказывает историю о несчастном короле и о его сумасбродных современниках. С ее легкой руки преданья старины глубокой оказались столь же увлекательны как детектив, и столь же изящны и легки как музыкальная миниатюра.

«Итак, друзья, что у нас тут происходит? 1422 год, Англия...»

Содержание

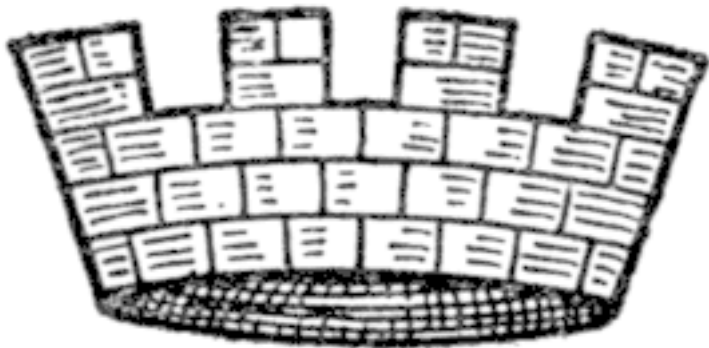
Генрих Шестой	12
Акт первый	13
Сцена 1	13
Сцена 2	32
Сцена 3	41
Сцена 4	48
Сцена 5	52
Сцена 6	53
Акт второй	56
Сцена 1	56
Сцена 2	62
Сцена 3	64
Сцена 4	68
Сцена 5	77
Акт третий	84
Сцена 1	84
Сцена 2	95
Сцена 3	101
Сцена 4	105
Акт четвертый	108
Сцена 1	108
Сцена 2	116
Сцена 3	117

Александра Маринина Генрих Шестой глазами Шекспира

© Алексеева М.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Для чего вообще я собралась написать «легкое переложение» трех пьес Шекспира о короле Генрихе Шестом? Эти пьесы не пользуются популярностью, во всяком случае, в на-

шей стране их не ставят. Если того же «Ричарда Третьего» ставят в театрах по всему миру и постоянно экранизируют, то трехчастная эпопея о Генрихе Шестом, насколько мне известно, удостоилась только одной экранизации в цикле «Пустая корона», да и то в сильно купированном виде. Более того, первую часть «Генриха Шестого» многие шекспироведы и литераторы считают худшей из пьес Шекспира. Тогда зачем кому-то, а тем более моим современникам, ее читать?

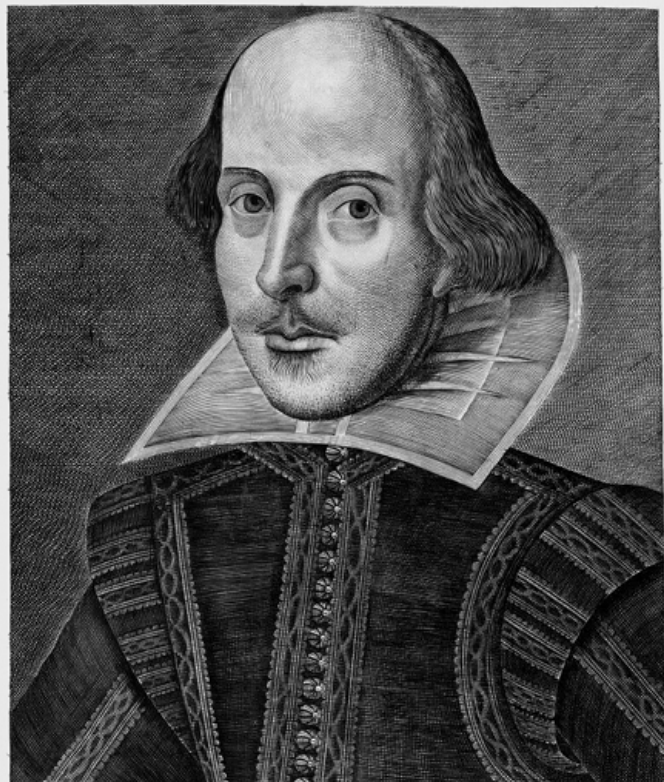
Генрих Шестой (неизвестный художник, около 1540)

Однако все не так просто и намного интереснее, чем может показаться на первый взгляд. По поводу авторства единого мнения до сих пор нет. Версии высказываются самые разные. Например, Шекспир сначала написал вторую и третью части «Генриха Шестого», а потом взял чью-то ранее написанную пьесу об этом историческом периоде и быстренько переделал, подогнав под собственные драматургические нужды. Вариантом этой версии является предположение о том, что Шекспир даже и не переделывал чужую пьесу, а взял ее целиком и вставил несколько дополнительных сцен. Есть мнение, что «украденная» пьеса была посвящена даже и не королю, а исключительно Джону Толботу и имела своей задачей прославление этого знаменитого полководца и мощи английской армии в целом. Но существуют и другие мнения, не оспаривающие авторства Шекспира: просто неудачная работа начинающего драматурга, с кем не бывает!

MR. WILLIAM
SHAKESPEARES

COMEDIES,
HISTORIES, &
TRAGEDIES.

Published according to the True Originall Copies.

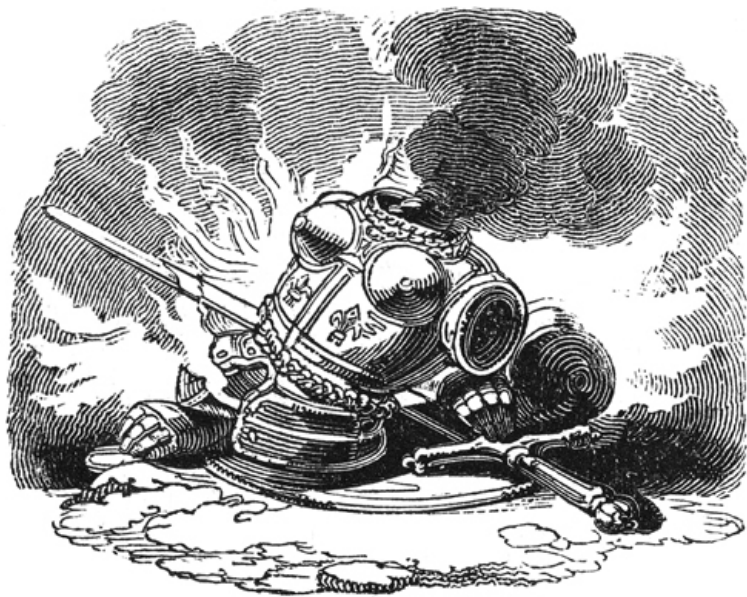

Сочинения Шекспира (титульный лист, 1623)

Так где же истина? Неизвестно. Но тем, кто занимается филологией, литературоведением, драматургией, искусством театра, творчеством Шекспира, историей и другими сферами знаний, может оказаться полезным или любопытным попытаться самим ответить на вопрос, принадлежит ли «Генрих Шестой. Часть первая» перу великого драматурга полностью или частично, и если частично, то какие именно части являются «заимствованными», а какие – «вставными». Для того чтобы составить собственное (а не почерпнутое из научной литературы) мнение, необходимо как минимум прочесть все три части. Но для нашего современника, особенно молодого, задача эта поистине непосильна. И я подумала, что вполне могу сделать некое подобие подспорья, чтобы можно было без особого напряжения, но в то же время подробно ознакомиться с текстами этих трех пьес. Если в музыкальной педагогике приняты «легкие переложения для фортепиано», то почему бы таким переложениям не появиться в литературе?

Генрих Шестой

Часть первая

Акт первый

Сцена 1

Вестминстерское аббатство

Похоронный марш.

Вносят на парадном траурном ложе тело короля Генриха Пятого. Его окружают герцоги Бедфорд, Глостер и Эксетер, граф Уорик, епископ Винчестерский, герольды и другие.

Итак, друзья, что у нас тут происходит? 1422 год, Англия, скончался король Генрих Пятый, разбивший французов в битве при Азенкуре в 1415 году. Покойному было 35 лет, его супруге Екатерине Валуа – 20, их единственному сыну Генриху – 8 месяцев. После того как Генрих Пятый победил при Азенкуре, он вел длительные переговоры с королем Франции Карлом Шестым Валуа (Карлом Безумным). Итогом этих переговоров стало следующее: сын Карла Шестого, дофин Карл, исключается из линии престолонаследия и теряет право на трон; дочь Карла Шестого Екатерина выходит замуж за молодого красавца Генриха Пятого, короля Англии; их сын, буде таковой родится, станет королем и Англии, и Франции. Странновато, да? Ну а что вы хотите, Карла же не зря прозвали Безумным: он страдал тяжелым душев-

ным расстройством, на длительное время впадал в беспамятство и переставал узнавать окружающих и осознавать реальность. Такой слабый на голову король чего только не подпишет! Почему дофина прогнал поганой метлой? Из-за нелепости: кто-то из близких друзей дофина Карла по случайности (а может, и намеренно) убил герцога Бургундии, дофина сочли причастным к преступному безобразию, из-за чего отношения этого герцогства с Францией сильно испортились, а иметь Бургундию во врагах никому не хотелось: очень уж она была богата и влиятельна. Вот Безумный и осерчал на сына.

Жениться на дочке французского короля Генрих Пятый успел, сына родить тоже успел, а больше не успел ничего. Умер предположительно от дизентерии. И остается королевство с юной неопытной вдовой и грудным младенцем. Но у почившего в бозе короля, слава богу, есть родные братья, ведь у Генриха Четвертого, предыдущего монарха, было целых четверо сыновей. Кроме старшего, Генриха Пятого, имелись еще Томас, Джон и Хамфри. Томас умер за год до смерти Генриха Пятого, а вот Джон, герцог Бедфорд, и Хамфри, герцог Глостер, вполне себе живы и активны. Поскольку дизентерия – это все-таки не внезапная смерть от несчастного случая, умирающий король имел достаточно времени, чтобы оставить распоряжения относительно будущего: лордом-протектором, отвечающим за возвращение и безопасность будущего короля, назначается братец Хамфри, герцог

Глостер, а регентом Франции, отвечающим за расширение и укрепление английских завоеваний во Франции, назначается братец Джон, герцог Бедфорд.

С диалога этих двоих братьев и начинается пьеса. Остальных персонажей я вам представлю по мере включения их в действие, чтобы на ваши головы не посыпалось одномоментно слишком много информации.

Бедфорд, старший из оставшихся братьев (ему на момент смерти Генриха Пятого исполнилось 33 года, но у Шекспира могут быть совсем иные соображения, так что будем ждать более точных авторских указаний), горюет:

*– Он слишком славен был, чтоб долго жить! Наш край такого не терял монарха!*¹

Ну и все в таком роде, как обычно. Младший, Хамфри Глостер (31 год в реальности, но каков его возраст по пьесе – пока неясно), вторит ему:

– Наш край такого короля не знал. Он никогда не проигрывал в битвах.

Все это говорится, разумеется, не так кратко, как я вам тут излагаю. Цветистости в пьесах шестнадцатого века всегда более чем достаточно.

К разговору присоединяются еще двое присутствующих, которых необходимо вам представить. Это герцог Эксетер

¹ Шекспир У. Генрих VI. Часть первая. Перевод Е. Бируковой. // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах под общей редакцией А. Смирнова и А. Аникста. Т. 1. – М.: Искусство, 1957.

и епископ Винчестерский. Представление будет длинным, так что приготовьтесь. Итак, жил-был король Эдуард Третий, родил в законном браке семерых (по другим источникам – восьмерых) сыновей, но до зрелых лет дожили только пятеро. Там происходило много всякого, но в итоге королем стал внук Генрих Болингброк, сынок третьего по старшинству сына короля Эдуарда. Этот третий по старшинству сын (по имени Джон Гонт) прожил довольно разнообразную личную жизнь. От первого брака у него имелся только один сын Генрих (будущий король Генрих Четвертый, остальные трое сыновей не прожили долго, ну а две дочери, сами понимаете, в счет не идут); во втором браке родились дочка (снова не в счет) и сын, но и он не выжил; при этом Гонт параллельно крутил роман с придворной дамой по имени Кэтрин Суинфорд. Кэтрин была замужем, рожала детей от законного супруга, но рано овдовела и принялась рожать уже от Джона Гонта. Вне брака, разумеется, поскольку сам Гонт был, во-первых, женат, во-вторых, являлся принцем королевской крови и не имел права жениться абы на ком без одобрения правящего монарха. Наконец, Джон Гонт похоронил и вторую свою жену и собрался все-таки жениться на Кэтрин, испросил разрешения у тогдашнего короля, получил его и сыграл свадьбу. Но к этому времени у них с Кэтрин образовалась уже куча общих детей, в том числе и три сына. Встал вопрос о законнорожденности этих деток. Был отправлен соответствующий запрос в Рим и получена папская булла о при-

знании всех детей законнорожденными. Слава Богу! А поскольку они законнорожденные, то, стало быть, имеют право наследовать престол, ежели что. Сам Джон Гонт имел титул герцога Ланкастера, посему и его первый сын, Генрих, рожденный первой супругой, унаследовал этот титул после смерти отца. Именно с Генриха Четвертого и началась династия Ланкастеров, являвшаяся ответвлением династии Плантагенетов (сам-то Эдуард Третий, дедушка Генриха Четвертого, был Плантагенетом, и следующий за Эдуардом король, Ричард Второй, внук по старшему сыну, тоже еще Плантагенет, а вот сын Джона Гонта уже именуется Ланкастером). Дети, рожденные от Кэтрин Суинфорд, не имели права именоваться Ланкастерами и носили родовое имя «Бофор» (иногда пишется «Бофорт» или «Бьюфорт»). Мальчики Бофоры являлись, таким образом, единокровными братьями короля Генриха Четвертого, дядьями Генриха Пятого и двоюродными дедушками младенчика Генриха Шестого. Вот такой расклад.

The first Part of Henry the Sixth.

Actus Primus. Scena Prima.

Dead March.

Enter the Funerall of King Henry the Fifth, attended on by the Duke of Bedford, Regent of France; the Duke of Gloster, Protector; the Duke of Exeter war-marshal, the Bishop of Winchester, and the Duke of Somerset.

Bedford.

Wing be's beames with black yeld day to night;
Comes importing change of Times and States,
I should your e-yall Treades in the State,
And with them leaue ge the bad running Stars,

That haue consented vnto *Henrys* death;
King *Henry* the First, too famous to be long,
England ne'e lost a King of so much worth.

Gloster. England ne'e had a King small his time:
Verne he had, desirous to command,
His brandish Sward did blinde men with his beames;
His Armes spread wider then a Dragons Wings;
His sparkling Eyes, repleat with wrathfull fire,
More dazzled and droue back his Enemies,
Then mid-day Sonne, fierce beat a gainst their faces.
What should I say? his Deeds exceed all speech;
He ne'e lift up his Hand, but conquered.

Ex. We mourn in black, wch mourn we not in blood!
Henry is dead, and neuer shall reume:

Vpon a Wooden Coffin we attend;
And Deaths dishonorable Victorie,
We with our flately pretence glorifie,
Like Captiues bound to a Triumphal Carre.
What? shall we curse the Planets of Mishap,
That plotted this our Glorious overthrow?
Or shall we thinke the fabled waterd Fench,
Cannars and Sorcerers, that afraid of him,
By Magick Verbes haue conuert'd his end.

Worcester. He was a King, blest of the King of Kings.

Vnto the French, the dreadfull Iudgement-Day
So dreadfull will not be, as was his light.

The Fantasies of the Lord of Hosts be fought:
The Churches Prayers made him so prosperous.

Gloster. The Church? where is it?

Had not Church-men pray'd,
His thred of Life had not so soone decay'd,
None do you like, but an effeminate Prince,
Whom like a Schoole-boy you may out-awe.

Worcester. *Gloster*, what are we like, thou art Protector,
Aid looked to command the Prince and Realme,
Thy Wife is proud, she holdeth thee in awe,
More then God or Religious Church-men may.

Gloster. Name not Religion, for thou loost it the First,
And nee throughout the yeere to Church thou goest,
Except it be to pray against thy foes.

Red. Cease, cease thete Larres, & tell your minds in peace
Lee to the Altar: Herald's wayt on vs;
In stead of Gold, wee le offer vp our Armes,
Since Armes auayle not, now that *Henry's* dead,
Possessie awate for wretched yeeres,
When at their Mothers moued-eyes, Babes stinck fast,
Our He be made a Nourish of salt Teares,
And none but Women left to wail the dead,
Henry the First, thy Ghost I imocate:
Purper this Realme, keepe it from Chull Breyles,
Combat with aduerse Planets in the Heuens;
A farre more glorious Starre thy Soule will waite,
Then *Isidors* e' ajer, or bright—

Enter a Messenger.

Mes. My honorable Lords, health to you all.
She tidings bring I to you out of France,
Of losse of slaughter, and discomfite:
Guyes, Clamptonne, Rheims, Orleans,
Paris Gouernours, Cities, are all quite lost.

Red. What sayst thou man, before dead *Henry's* Cause
Speake forth; for the losse of those great Towtes
Will make him burd his Lead, and rife from death.

Gloster. Is Paris lost? is Rouen yielded vp?
If *Henry* were recall'd to life agane,
These news would cause him once more yeeld the Guild

Ex. How were they lost? what trecherie was it
Mes. No trecherie, but want of Men and Money.

Amongst the Soldiours this is mutter'd,
That here you maintain feuerall Fashions:

And what if a Field should be dispatche and fought,
You see dispatching of your Generals,

One would haue ingring Wares, with little cell;
Another would bye swate, but wasteth Wings:

A third slinkes, without expence at all,
By quietfall faire words, Peace may be obayn'd.

Awake, awake, English Nobilitie,
Let not slouth dimme your Honors, new begot;

Cropt are the Flower-de-Luces in your Armes
Of Englands Coast, one halfe is cut away.

Ex. Were our Teares wanting to this Funerall,
These Tidings would call forth her flowing Tides.

Red. Me they concerne, Regent I am of France:
Gue me my Steele Coat, Ile fight for France.

Away with these disgracefull wailing Robes;
Wounds will I lead the French, in stead of Eyes,
To weepe their intestine Mities.

Enter to them another Messenger.

Msg. Lords vnder these Letters, full of bad intelligence
France is resorted from the English quite,
Except some petty Townes, of no support.

The Dolphin Charles is crowned King in Rheims:
The Barons of Orleans with him is say'd:
Edward Duke of Anjou, doth take his part,
The Duke of Alençon to his side.

Ent. The Dolphin crown'd King! all flye to him?
O that he shall we flye from this reproch!

Glo. We will not flye, but to our enemies throut,
That'd of thoubt be blake. He fight it out.
Bed. *Gloster*, why doubtst thou of my forwardnesse?
As Army haue I mouer'd in my thoughts,
Wherewith already France is ouer-run.

Enter another Messenger.

Msg. My gracious Lords, to adde to your laments,
Wherewith you now bewle King Henries heate,
I will informe you of a small fight,
Betwixt the frons Lord Talbot, and the French.

Fre. What? whenin Talbot ouer-came, is't so?
Msg. O no: whenin Lord Talbot was overthrowne:
The circumstance I shall you relate at large.
The night of a August last, this dreadfull Lord,
Turning from the Siege of Orleans,
By night and covert thousand of the French
Was vnawares encompassed, and set vpon:
His heire had he to challenge his sonne.

He ward' vpon to see before his Archers:
Inland whereof, sharpe Scakes pouck out of Hedges
They poked in the ground constantly,

Forsooke the Horsmen off from breaking in.
More then three houres the fight continu'd,
Where valiant Talbot, above humane thought,
Mach'd wonders with his Sward and Lance.
Hundred he sent to Hell, and more durst stand him:

More store and eury where emoy'd, he flew
The French to layd, the Devil was in Armes,
All the whole Army blood spard on him.
His Soldiers laying his down'd Spers,
A Talbot cry'd out amaine,

And rush into the Bowels of the Battaille,
He beat his Conquest fully bene feild of vs,
If Sir John Falstaff had not play'd the Coward.

He brings to the Vanward, plac't beside,
Which purpose to relinque and follow them,
Courardly fled, not hauing struck one stroke.

Hence goes the generall retreat and stafface:
Enclosed were they with their Enemies,
A hole William, to win the Dolphins grace,
Thrust Talbot with a Spear into the Back,

Whom all France, with their chief assembled strength,
Durst not presume to looke once in the face.
Prof. Is Talbot slaine then? I will flay my life,
For losing sly here, in pompe and eate,
Which I such a worthy Leader, wanting ayd,
Vpon his distaid for-men is betray'd.

Msg. O no, he liues, but is tooke Prisoner,
And Lord Scaler with him, and Lord Hungerford:
Most of the rest laugh'd, or tooke like wile.

Bed. His Ransome there is none but I shall pay.
To haue the Dolphin headlong from his Throne,
His Crowne shall be the Ransome of my friends:
Souce of their Lords he change for one of ours.

Farwell my Masters, so my Task'd will I,
Bardies in France forthwith I am to make,
To keepe our great Saint Georges Feast withall.
Ten thousand Soldiers with me I will take,
Whose bloody deede shall make all Europe quake.

3. Msg. So you had need, for Orleans is being'd,
The English Army is growne weak and faile:
The Earle of Salisbury craveth helpe,
And hardly keeps his men from mutinie,
Since they see how watch such a mutinie.

Ent. Remembere Lords your Oathes to liberty sworne:
Eyer to quell the Dolphin vnto,
Or bring him in obediunce to your yoke.

Bed. I doe remember it, and here take my leaue,
To goe about my preparation.

Glo. Hee die the Tower with all the haill I can,
To view th' Arraite and Minution,
And then I will proclayme young Henry King.

Ent. Gloster.
Ent. To Elean will I, where the young King is,
Being orday'd his speciall Controvers,
And for his heire there he best desire.

Ent. Each hath his Place and Function to attend:
I am left out; for me nothing remains:
But long I will not be lack out of Office.
The King from Elean I intend to send,
And sit at chiefest Seene of publique Weale.

Ent.

Sound a Tumul.

Enter Charles, Alençon, and Regener, marching
with Drums and Souldiers.

Charles. Mar: his true mouing, such as in the Heaues,
So in the Earth, to this day is not knowne,
Late did hee lince vpon the English side:
Now we are Victors, vpon vs hee smiles.
Was Towers of any moment, but I sawe
At pleasure here we laye our Obedience:
Others while, the famous English, like pale Ghosts,
Faintly heerege vs one houre in a month.

Alen. They want their Poordred, & their fat Bull-beecons:
Eyes they will be dyed like Moles,
And haue their Protonderay'd to their mouths,
Or piteous they will looke, like drowned Mice.

Regener. Let's say if the Siege why lince we idly here?
Talbot is taken, whom we went to feare:
Lennyeth none but mad-brayn'd Salisbury,
And he may well in sitting spend his gall,
Nor men nor Money hath he to make Warre.

Charles. Sould' fould Alençon, we will trust on them.
Now for the honour of the famous French:
Him I forgive my death, that listens me,
Whoe he fees me goe back one foot, or lye.

*Here Alençon they are beaten back by the
English, with great losse.*

Enter Charles, Alençon, and Regener.
Charles. Who euer is the lier: what can issue I?
Dugges, Cowards, D'fards: I would ne'e haue fled,
But that they left me 'midst my Enemies.

Regener. Salisbury is a desperate Homicide,
He fighteth as one weary of his life:
The other Lords, like Lyons wanting foode,
Doe rush vpon vs as their hungry prey.

k 3

Alon. Frey.

Начало хроники «Генрих Шестой» (первое полноформатное издание пьес Шекспира, 1623)

Герцог Эксетер – это Томас Бофор, один из незаконнорожденных сыновей Джона Гонта, ему 45 лет, он лорд-адмирал Англии. После смерти Генриха Пятого входил в состав регентского совета при малолетнем Генрихе Шестом.

Епископ Винчестерский – это Генри Бофор, еще один сын Джона Гонта и Кэтрин Суинфорд, ему 48 лет. Епископ Винчестера – фигура значительная, ибо в Винчестере находится королевская сокровищница.

Запоминаем на всякий случай: Эксетер и епископ Винчестерский – родные братья. Глостер и Бедфорд – тоже родные братья.

Таким образом, над телом усопшего Генриха Пятого собрались четверо ближайших родственников нового короля Генриха Шестого: двое родных дядюшек, Глостер и Бедфорд, и двое двоюродных дедушек, Эксетер и Винчестер (которых по традиции принято называть тоже дядями).

Герцог Эксетер произносит много запутанных слов, из которых мало что можно понять. В общем, вроде как горюет. Епископ Винчестерский выражается более просто, но тоже сожалеет о безвременной смерти племянника.

– Церковь неустанно молилась за него, – говорит он, – и это принесло военные победы нашему Генриху.

И вот в этом месте обозначается первый конфликт: ока-

зывается, Хамфри Глостер сильно не любит не только своего дядюшку епископа, но и всех церковников скопом.

– Церковь молилась за его победы? – ехидно спрашивает он. – Да она молилась за то, чтобы король умер поскорее! Вам, попам, не нужен король-победитель, вам нужна марионетка, которой вы могли бы управлять.

*Что церковь? Не молись попы так рьяно,
Не кончилась бы жизнь его так рано.
Безвольный государь желанен вам,
Который слушался бы вас, как школьник.*

– Зато теперь ты протектор, – зло парирует епископ, – и можешь сам управлять и маленьким принцем, и всей страной. Ты же бога не боишься, ты перед своей женой на задних лапках ходишь, тебе духовники не указ.

Вообще-то слова о жене герцога Глостера выглядят здесь совершенно неуместно. Но нам еще придется их вспомнить, так что все не зря.

Глостер не скрывает презрения к дяде:

– Это кто тут духовное лицо? Ты, что ли? Да ты о духе давно забыл, для тебя на первом месте плоть. Если ты и заглядываешь изредка в храм, так только для того, чтобы помолиться о гибели твоих врагов, а вовсе не для того, чтобы очистить душу.

В перепалку вмешивается герцог Бедфорд, новоиспеченный регент Франции, просит брата и дядю прекратить скло-

ку и начинает произносить торжественно-скорбную надгробную речь, мол, что теперь будет со страной без такого короля, как Генрих...

Речь прерывается появлением гонца, который сообщает плохие новости из Франции: «*потери, неудачи, поражение*». В этих поражениях английская армия во Франции потеряла «*Шампань, Гюйенну, Реймс и Орлеан, Жизор, Париж, Пуатье*».

Реакция герцога Бедфорда неоднозначна:

– Говори потише, а то покойный король услышит и от таких новостей может встать из гроба.

Вот и поди пойми, то ли это циничная шутка атеиста, то ли опасения глубоко верующего человека.

– Ничего себе! – сокрушается герцог Глостер. – Если бы Генрих был еще жив, то от таких известий наверняка умер бы.

Не знаю, как насчет Генриха Пятого, а историки и хронисты точно скончались бы на месте, прочтя такой текст. На самом деле осаду Орлеана французам удалось прорвать только в 1429 году, когда дело взяла в свои руки Орлеанская девственница Жанна д'Арк, то есть через 7 лет после смерти короля Генриха, а Париж англичане удерживали аж до 1437 года. Азимов отмечает, что Шекспир во всех исторических пьесах весьма вольно обращается с датами, перемещая удобные ему факты во времени вперед и назад, как нужно для сюжета и драматизма, но в первой части «Генриха

Шестого» автор превзошел сам себя по части анахронизмов. Такого фактологического бардака (это выражение Азимова) нет больше ни в одной его пьесе-хронике. Поэтому нам будет довольно трудно разобраться и с событиями, и с возрастом тех персонажей, которые являются реальными историческими лицами. Впрочем, мы будем делать это лишь там, где это действительно необходимо, чтобы понимать логику действия внутри пьесы, а для сопоставления художественного текста с исторической действительностью все желающие могут обратиться к истинно знающим авторам, например, к Питеру Акройду или к тому же Айзеку Азимову.

– Как такое могло произойти? – спрашивает герцог Экстер. – Была измена? Нас кто-то предал?

– Никакой измены, все дело в недостатке людей и боеприпасов, – поясняет гонец. – И моральный дух в войсках заметно ослабел, потому что ходят слухи о том, что вы здесь разбились на партии и никак не можете договориться. Нужно братья за оружие и идти в бой, а вы только рядитесь, кто должен возглавить войско. Один хочет вести затяжную войну при малых затратах; другой хотел бы воевать, да уже немощен; третий считает, что нужно решать вопрос дипломатическими путями, а не оружием. А пока вы совещаетесь, мы теряем свои завоевания во Франции.

– Я – регент Франции, и я должен не слезы тут лить, а надевать доспехи и ехать воевать, – решительно заявляет герцог Бедфорд.

Но тут является второй гонец, у него вести еще хуже: вся Франция восстала против захватчиков-англичан, дофина Карла, отлученного от престола своим отцом, короновали в Реймсе как короля Карла Седьмого, на его стороне уже выступили Бастард Орлеанский, Рене Анжуйский и герцог Алансонский. На это известие попрошу вас обратить особое внимание. Фиксируем: на момент смерти английского короля Генриха Пятого французский дофин уже коронован в Реймсе и стал королем Франции Карлом Седьмым. Во всяком случае, именно так выходит по пьесе.

Остановка и пауза. Поскольку все трое вышеупомянутых лиц появятся в пьесе, придется сказать о них несколько слов. Во-первых, дофина Карла действительно короновали в Реймском соборе как Карла Седьмого, это правда, да только случилось это в 1429 году после того, как Жанна со своими войсками освободила Орлеан, за что и получила прозвание «Орлеанская дева». Во-вторых, двое из трех указанных сторонников новоиспеченного французского короля вряд ли могли рассматриваться в 1422 году как существенное военное подспорье.

Бастард Орлеанский – это Жан де Дюнуа, внебрачный сын герцога Орлеанского Людовика Первого. Мальчик рано осиротел и воспитывался вместе с дофином Карлом, будущим королем Карлом Седьмым, посему понятно, что Дюнуа предан Карлу и готов прийти на помощь. Бастард Орлеанский был хорошим полководцем, провел ряд очень успешных во-

енных кампаний.

Рене, герцог Анжуйский, был на момент смерти Генриха Пятого еще совсем юным (13 лет), да и титула герцога пока еще не имел, поскольку его отец пребывал в те годы в полном здравии. Казалось бы, зачем его упоминать, если можно назвать любого другого действующего военачальника или правителя? А здесь, друзья мои, та же причина, что и с упоминанием ни к селу ни к городу супруги герцога Глостера: так надо. Пройдут годы, и выросший Генрих Шестой женится на дочери того самого Рене Анжуйского, и начнутся в Англии страшные междоусобицы и прочие беды. Так что и слова о жене Глостера, и слова о Рене Анжуйском – это нечто вроде информационной подготовки зрителя-читателя к дальнейшему развитию событий.

А вот с герцогом Алансонским пока не понятно. Ему в 1422 году тоже всего 13 лет. Но в целом военная биография у этого человека славная, и с 11-летнего возраста он уже был лейтенант-генералом герцогства Алансон, а в 14 лет стал членом королевского совета Франции. То есть ему было где с самых юных лет набираться политического и военного опыта, заседая рядом со старшими и мудрыми. Он много воевал, имел хорошую репутацию военачальника, 5 лет провел в плену у англичан (его взял в плен как раз сэр Джон Фастолф, который является одним из действующих лиц данной пьесы), впоследствии примкнул к Жанне д'Арк. Так что вполне возможно, упоминание Жана Алансонского сделано умыш-

ленно для последующего ввода на сцену сэра Фастолфа.

Услышав новости от второго гонца, герцог Эксетер ушам своим не верит.

– Неужели все бегут к дофину? Неужели правда, что его короновали? Какой позор для Англии!

– Нужно брать оружие и воевать, – говорит Глостер и обращается к родному брату, герцогу Бедфорду: – Если тебе не по силам – сиди дома, я один справлюсь.

Так, похоже, между родными братьями, сыновьями Генриха Четвертого, тоже не все гладко.

– Зачем ты так говоришь? – упрекает его Бедфорд. – Разве я давал повод сомневаться? У меня уже есть план, как собрать большую армию и как действовать дальше.

А тут третий гонец нарисовался. И тоже с ужасными новостями: войска лорда Толбота разбиты наголову. Согласно информации, доставленной третьим гонцом, лорд Толбот со своим шеститысячным войском удерживал Орлеан, но вдруг напали французы, численность которых превышала двадцать тысяч воинов. Толбот не успел построить своих людей, французам удалось окружить английскую армию; сам Толбот сражался как лев, и в какой-то момент ход битвы переломился – победа вот-вот должна была достаться англичанам и досталась бы, если бы не предательство сэра Джона Фастолфа, который стоял в арьергарде и должен был в решающий момент вступить в сражение, однако не вступил, а трусливо удрал: *«Бежал, как трус, не обнажив меча»*. И

какой-то «валлонец подлый, угрождая Карлу, направил в сторону Толбота копье», пронзив выдающегося полководца. (Валлонцы – жители франкоговорящей части Бельгии; в описываемый период эта территория принадлежала Бургундии, которая, как известно, не дружила с королем Франции и не поддерживала его. Так что если валлонец воевал за французского короля, то делал это либо из корысти, либо по глупости, в общем, «подлый» он.)

С гонцами как-то не все понятно: о том, что французы отбили Орлеан, уже сообщал первый гонец, так что все подробности касательно битвы и лорда Толбота вполне мог изложить сам. Для чего нужен третий гонец? Для драматизма именно в этом месте? Понятно, что каждый из гонцов со своими известиями дает толчок развитию диалогов в нужную автору сторону, однако же два гонца с практически идентичными новостями...

Бедфорд в ужасе:

– Так Толбот погиб? Его предали, оставили без помощи, а я тут прохлаждаюсь!

Но оказалось, что лорд Толбот, к счастью, жив, хотя и захвачен в плен, как и еще целый ряд благородных лордов.

– Я сам заплачу за него выкуп, – свирепо обещает герцог Бедфорд. – Вот увидите, я этого дофина вниз головой с трона сброшу, и его корона будет выкупом за Толбота. А за каждого плененного английского лорда отдам по четыре французских пленных вельможи. Все, лорды, прощайте, я собираю

десятитысячное войско и всю Европу поставлю на колени.

Третий гонец просит Бедфорда поспешить: Орлеан в осаде, английские войска устали и ослабели, граф Солсбери просит о подкреплении, потому что уже с трудом справляется с недовольными истощенными солдатами и не уверен, что сможет удержать их от бунта.

– Не забывайте, милорды, вы поклялись покойному королю либо уничтожить дофина Карла, либо прогнать его под нашу власть, – напоминает родственникам герцог Эксетер.

– Я помню, – отзывается Бедфорд. – Поэтому прощаюсь с вами и иду готовиться к походу.

Бедфорд уходит.

Как обычно у Шекспира, все было и так, и не так, и тогда, и не тогда. Поскольку анахронизмов в информации от трех гонцов слишком много, мы с ними даже разобраться не станем. Скажем только, что лорд Джон Толбот, впоследствии получивший титул графа Шрусбери, действительно был выдающимся воином и полководцем, много раз назначался главнокомандующим английскими войсками во Франции. В 1428 году начал осаду Орлеана, но через 7 месяцев вынужден был снять ее (а не сдать город, как утверждает гонец, потому что англичанам Орлеан никогда и не принадлежал; осада как раз имела цель захватить его, продлилась много месяцев, но успехом не увенчалась: англичане были выбиты оттуда французами). После этого, воодушевленные победой и Жанной д'Арк, французы начали побеждать ан-

гличан и вытеснять их с континента. Толбот действительно был ранен и взят в плен, но случилось это позже, уже в битве при Пате (осада Орлеана была снята 8 мая 1429 года, а битва при Пате состоялась 18 июня того же года, то есть более чем через месяц), и французский король Карл из уважения к воинской доблести сэра Толбота освободил его без выкупа. За всю жизнь Джон Толбот, граф Шрусбери, одержал победу в 47 битвах.

С сэром Фастолфом тоже вышло неладно. Подробности вы можете найти в источниках, роль этого опытного полководца описана достаточно подробно, для нас же важен только результат: сэр Джон Фастолф проявил разумную осторожность и предложил тактику отступления для сохранения жизни воинов, обреченных на неминуемую гибель, сэр Джон Толбот с ним не согласился и рванул в лобовую атаку на явно превосходящие силы противника, не имея достаточно времени для правильной расстановки своих войск. Решение Толбота оказалось непродуманным и привело к поражению и плену, Фастолфу с остатками войска удалось уцелеть. Но в глазах общественного мнения именно Джон Фастолф выглядел трусом и предателем, в то время как Джон Толбот, азартно сгубивший сотни жизней, стал в очередной раз героем.

Итак, герцог Бедфорд покинул сцену и отправился готовиться к военному походу. Остались его брат и двое дядюшек. Брат, герцог Глостер, объявляет, что направляется в Тауэр *«орудья и припасы осмотреть»* и готовить офици-

альное объявление маленького принца королем, то есть коронацию. Один из дядюшек Бофоров, герцог Эксетер, сообщает, что поедет в Элтем, где в данный момент находится малыш Генрих:

– Я должен обеспечить его надежную охрану.

А вот епископ Винчестерский, второй дядя Бофор, думает совсем о другом:

– *У каждого свой пост, своя забота*, – бормочет он удрученно. – Один я не у дел. Этих троих назначили быть рядом с новым королем, а про меня забыли, никакой важной должности не предложили. Но у меня есть план:

Из Элтема похищу короля

И встану у кормила корабля.

Вот тебе и любящий дядя Бофор, к тому же епископ, то есть священник, представитель духовенства.

А теперь вопрос на внимательность: причем здесь граф Уорик? Он указан Шекспиром в самом начале сцены как действующее лицо. Там еще числятся «герольды и другие», но это и понятно: все-таки сцена у гроба покойного короля, должна быть толпа скорбящих вельмож и приближенных. Однако же те персонажи, которые имеют отношение к развитию действия и хоть что-то произносят, перечисляются поименно. Гонцы, кстати, не указаны, но мы будем снисходительны и посчитаем их за «других», хотя эти персонажи

произносят довольно много слов. Глостер, Бедфорд, Экстер и Винчестер – да. А Уорик? Для чего он указан в авторской ремарке? Ему не принадлежит ни одна реплика, к нему никто не обращается, он даже не упоминается в обсуждениях. На самом деле граф Уорик – фигура реальная, он верно служил покойному Генриху Пятому и после смерти короля был воспитателем и наставником малолетнего Генриха Шестого, все так, но в сцене-то он зачем? Просто постоять и помолчать? Или кто-то наспех выдрал ненужные фрагменты из текста сцены, а ремарку исправить забыл?

Вот и начинают зарождаться сомнения...

Сцена 2

Франция. Перед Орлеаном

Фанфары.

Входят с трубами и барабанами Карл, Алансон, Рене и войско.

В начале сцены дофин Карл, герцог Алансонский и Рене Анжуйский насмеваются над истощенным английским войском и выражают уверенность в полной, быстрой и легкой победе, тем более что вражеский военачальник Толбот находится в плену и уже не может руководить и вдохновлять. В Орлеане остался «*лишь безумный Солсбери*», у которого нет ни денег, ни людей, так что пусть он там с досады желчью исходит.

Затем следует боестолкновение (за сценой), и наши трое героев вновь появляются перед зрителями. Теперь речи их стали совсем иными. Алансон и Рене жалуются на своих солдат («*Псы! Труссы!*»), которые позорно бежали с поля боя. А далее... Далее следует восхваление силы и отваги англичан. То есть персонажи вроде как сетуют, что, мол, не ожидали такого, и кто бы мог подумать... Но на самом деле устами французов Шекспир поет дифирамбы своим соотечественникам.

*Мерзавцы тощие! Кто б мог подумать,
Что в них такая дерзость и отвага?* – сетует Алансон.
Рене восхищается графом Солсбери:

*Отчаянный рубака – Солсбери!
Он бьется, словно жизнь ему постыла.
Подобно львам голодным, лорды их
Бросаются на нас, как на добычу.*

И все в том же роде. По итогам обмена мнениями все трое приходят к выводу, что пришло время «*оставить их в покое*». Англичан то есть. Уж так хорошо они умеют воевать, что, пожалуй, пора прекращать многолетнюю бойню.

На сцене появляется Бастард Орлеанский с обнадеживающими вестями:

– Что-то вы грустные, бледные... Расстроились из-за поражения? Не переживайте, теперь все будет хорошо, я вам привел святую девицу, у нее было видение. Ей с небес веле-

ли избавить Орлеан от этой изнурительной осады и прогнать англичан из Франции. У нее очень сильный дар пророчества, она все видит: и что было, и что будет. Давайте я ее к вам приведу, и вы сами проверите ее способности.

Карл разрешает привести девицу, а когда Бастард уходит, предлагает Рене Анжуйскому поменяться местами:

– Ты сделай вид, что ты – это я, дофин Карл. Прими соответствующий вид, голос сделай построже. Вот и посмотрим, отгадает она, кто есть кто, или нет.

Входят Жанна д’Арк и Бастард Орлеанский.

– Ну, красавица, покажи-ка нам, какие чудеса ты умеешь делать? – ехидно говорит Рене Анжуйский.

Но Жанна не попадается на уловку.

Карл Седьмой (картина Жана Фуке, около 1450)

– Ты что, задумал меня обмануть, Рене? – презрительно

спрашивает она. – Где дофин? Давай, выходи вперед. Я тебя сразу узнала, хоть и не видела никогда прежде. Не удивляйся, я все знаю, мне все открыто. Господа, отойдите, мне нужно поговорить с дофином наедине.

– А она храбрая, – замечает Рене.

Жанна д'Арк (миниатюра, около 1900)

Жанна обращается к дофину Карлу:

– Я дочь простого пастуха, необразованная, мало знаю. Но однажды, когда я пасла овец, мне было видение: передо мной предстала Божья Матерь и призвала меня спасти родину от бедствия. Она обещала помочь мне и сулила удачу, и я ей верю. Теперь же я верю и в себя, в свои силы. Испытай меня, если хочешь. Задай любой вопрос – и я отвечу. Проверь меня на силу и ловкость – и я докажу, что могу сражаться не хуже любого мужчины.

*Доверься мне: тебя победа ждет,
Коль рать твою в бой дева поведет.*

– Удивительные вещи ты говоришь, – отвечает дофин. – И, конечно же, я хочу тебя проверить и испытать. Если победишь меня в бою – поверю каждому твоему слову. Не победишь – не поверю ничему.

– Я готова, – говорит Жанна и достает меч.

Они сражаются. Жанна теснит Карла.

Карл признает, что девушка сражается, как амазонка, и просит ее опустить оружие.

– Уж не знаю, кто тебе на самом деле помогает, но ты явно можешь быть мне полезна.

А затем произносит нечто странное. Ни в одном источни-

ке я про такое не читала. Хотя читала я, конечно, совсем мало, так что не поручусь, что дальнейшие слова Карла совсем уж выдумка. Впрочем, судите сами.

– *Но я огнем желания горю,* – говорит дофин. – Ты победила меня в бою и завоевала мое сердце. Позволь мне, французскому монарху, быть твоим слугой, а не королем.

О как. Влюбился, стало быть. С первого взгляда, то есть с первого удара мечом. Мазохист, что ли? На что Жанна Девственница отвечает:

*Должна отвергнуть я любви исканья.
Освящено с небес мое призванье;
И лишь изгнав всю вражескую рать,
Я о награде стану помышлять.*

Проще говоря, отстань ты со своей любовью, не до нее мне сейчас, есть дела поважнее.

– Ну хотя бы посмотри на меня с нежностью, – просит Карл.

Рене Анжуйский и герцог Алансон посматривают в сторону дофина и Жанны и обмениваются репликами:

– Что-то долго дофин с ней шепчется, – замечает Рене.

– Наверное, хочет вытянуть из нее побольше информации, чтобы разобраться, кто она такая, – предполагает Алансон.

– Может, прервать их? А то наш дофин меры не знает.

– А вдруг у него есть план, а мы ему помешаем? – говорит

более осторожный Алансон.

Но Рене не внимлет предостережению товарища и вмешивается в беседу:

– Так что вы решили, государь? Сдаем Орлеан или продолжаем биться за него?

Но отвечает ему вовсе не государь, а сама Жанна. Ну, она же сама сказала, что, мол, девушка простая, деревенская, этикету не обучена. Не знает она, что поперек монарха высказываться неприлично, особенно если к тебе никто и не обращается.

– Нет-нет, ни в коем случае не сдавайтесь! – горячо убеждает она. – Сражайтесь до конца. Я буду вашей защитой.

– Согласен. Будем сражаться до конца, – подтверждает дофин Карл.

– Высшие силы избрали меня, чтобы я стала наказанием для англичан, – продолжает девушка. – Сегодня ночью я сниму вражескую осаду. Вот увидите: как только я приму участие в боевых действиях – ход войны сразу же переломится.

Карл не скрывает своего восхищения отвагой и уверенностью Жанны в победе.

– Говорят, что Магомета вдохновлял голубь, – говорит он, – а тебя, наверное, вдохновляет орел? Если все получится, я тебя отблагодарю так, как ты сама пожелаешь.

Рене и Алансон рвутся в бой: довольно медлить, пора разбить врагов и обрести бессмертие!

– За мной! – командует дофин. – Уж если эта дева нас

обманет, тогда и не знаю, кому еще можно верить.

И снова вопрос на внимательность: так кто же такой этот Карл? Дофин, то есть потенциальный наследник престола, или уже коронованный монарх? В Сцене 1 гонец нам рассказывает, что Карла короновали в Реймском соборе, далее он на протяжении всей пьесы именуется почему-то дофином, сам же Карл в разговоре с Жанной называет себя монархом и королем. И куда девать общеизвестный факт, согласно которому именно Жанна Орлеанская Дева убедила дофина Карла, что он и только он имеет право короноваться, и привела его в Реймс? По пьесе выходит, что Карл вполне самостоятельно стал королем задолго до знакомства с Жанной.

Червячок сомнения снова выглянул из своей уютной норки...

Сцена 3

Лондон. Перед Тауэром

Входят герцог Глостер и его слуги в синих кафтанах.

Прежде чем описывать собственно действие, скажем несколько слов о Тауэре. Это крепость в Лондоне, где имелись и королевские апартаменты, и тюремные камеры, и оружейный склад. Кроме того, по традиции монархи должны были проводить здесь сутки или хотя бы ночь перед коронацией. Рассказываю об этом не просто так, а для более точно-

го понимания реплик персонажей.

Герцог Глостер говорит нам, зрителям-читателям, что пришел осмотреть Тауэр, чтобы быть уверенным в безопасности, потому что после смерти Генриха Пятого заметно обострились межклановые интриги и не исключены попытки насильственного захвата власти.

– А где сторожа? – возмущается он. – Что-то я их не вижу. Открыть ворота!

Сторожа, оказывается, есть, только их и впрямь не видно, они за сценой, оттуда и переговариваются со слугами Глостера.

– Кто там стучит?

– Герцог Глостер прибыл! – объявляет Первый слуга.

– А нам по барабану, кто прибыл. Не пустим, вот и весь сказ!

– Это ты так отвечаешь лорду-протектору? – негодует слуга.

– Со всем уважением, но мы поступаем в соответствии с приказом.

Глостер в недоумении:

– С каким приказом? Кто вообще может отдавать такие приказы? Я – лорд-протектор Англии, и приказы, касающиеся Тауэра, имею право издавать только я! И я не позволю проявлять неуважение ко мне. Рубить ворота! Я разрешаю!

Слуги Глостера ломятся в ворота. К воротам подходит изнутри комендант Вудвил.

Пока что мы его тоже не видим, слышим только голос, поскольку комендант находится за сценой.

– Что за шум? – спрашивает комендант. – В чем дело?

– Комендант, это вы? Я вас узнал по голосу. Я Глостер, открывайте ворота.

– Простите, не могу. Кардинал Винчестер мне запретил впускать сюда вас и ваших людей.

– Вот же гад! Он что же, считает себя выше по положению, чем я? Не зря его покойный король не любил, ох, не зря. Вудвил, открывай ворота, иначе я тебя силой вышвырну вон!

Первый слуга тоже громко кричит, требуя открыть ворота перед лордом-протектором, да побыстрее!

Входят епископ Винчестерский и его слуги в бурных кафтанах.

– Ну ты и наглец, Хамфри! – говорит епископ. – Что все это значит?

– Ты, бритый поп, меня впускать не хочешь? – дерзко спрашивает Хамфри Глостер.

– Да, не хочу. А ты – наглый самозванец, а никакой не протектор! – отвечает епископ Винчестерский, он же Генри Бофор.

Любопытная реплика. Хамфри Ланкастер, герцог Глостер, назначен лордом-протектором по воле и указу короля Генриха Пятого, то есть совершенно законно. Какие же основания называть его самозванцем? А никаких, ровно никаких. Генри Бофора, епископа Винчестерского, нам здесь по-

казывают человеком, ни во что не ставящим закон. Посмотрим, отыграется ли эта черта характера в дальнейшем.

– Уйди с дороги и вообще выметайся отсюда, – требует Глостер. – Ты плетешь какой-то заговор, но я тебя разоблачу.

– Нет, это ты уйди, а я с места не сдвинусь. Хочешь быть Каином – убей меня, как Авеля, но я не отступлю.

– Вот еще, убивать тебя – только руки марать, – презрительно отвечает герцог. – Я и без оружия убереу тебя отсюда. Замотаю в твою красную тряпку как в пеленку и на руках вынесу.

– *Посмей-ка! Начихать тебе в лицо!* – храбро выкрикивает немолодой епископ.

Выходка поистине детская – позволить себе подобную лексику, будучи духовным лицом, облаченным в красные кардинальские одежды. Вообще-то это довольно странно, потому что Винчестер пока еще только епископ, а кардиналом его сделают позже по ходу пьесы. Но у Шекспира написано «красная тряпка», так что будем исходить из этого. Глостер, вместо того чтобы посмеяться, воспринимает сказанное как прямое оскорбление, нанесенное лицу королевской крови.

– Что? Что он сказал? Начихать в лицо? Слуги мои, к оружию! Ну, поп, держись!

Глостер и его слуги нападают на епископа.

– Я тебя за бороду оттаскаю! – обещает герцог, размахивая мечом направо и налево. – Плевать я хотел на твою кар-

динальскую шапку, на самого Папу и на всю церковь! Я тебя за шиворот отсюда выволоку!

Тоже любопытный момент. Член королевской семьи, лорд-протектор позволяет себе подобные высказывания о церковной власти? Более чем странно. Но не станем забывать, что пьеса писалась во времена королевы Елизаветы, убежденной протестантки, так что нет ничего сверхудивительного в том, что «положительный» персонаж уже заранее, за полтора века до ее правления, ставит под сомнение полномочия Папы и представителей католицизма. Прогибаться под власть писатели научились задолго до нашего времени.

– Ты за это ответишь перед Папой! – визжит епископ.

– Ах ты, гусь Винчестерский, волк в овечьей шкуре! Убейся с глаз долой, алый лицемер!

Слуги Глостера оттесняют слуг епископа.

Во время схватки входит лорд-мэр Лондона со свитой.

Лорд-мэр пытается урезонить сражающихся:

– Стыдно, лорды! Вы же верховные вельможи, а ведете себя так позорно!

– Молчи! – осекает его герцог. – Ты просто не понимаешь, что происходит. Этот Бофор – враг страны и престола, он хочет захватить Тауэр силой.

Теперь мы уже понимаем, что «захватить Тауэр» может означать и «завладеть оружием и поднять бунт», и «провести там ночь и наутро короноваться». Подозрения и обви-

нения более чем серьезные, однако из слов епископа в конце Сцены 1 можно сделать вывод, что подозрения эти вовсе не безосновательны, ведь там озвучены намерения похитить короля-младенца, сделать его заложником и добиться власти. Епископ Винчестерский действительно метит в правители всей Англии.

– Ничего подобного, – возражает епископ, – враг страны – это как раз герцог Глостер: он обвешал вас налогами, все время насаждает войну и стремится ниспровергнуть церковь! Сейчас он стал протектором и хочет раздобыть в Тауэре оружие, свергнуть принца и самому короноваться.

Как говорится, оговорка по Фрейду, «на воре шапка горит».

В ответ на обвинение Глостер снова начинает схватку. *Стычка возобновляется.*

– Мне ничего другого не остается, как издать новое указание, – говорит лорд-мэр и велит глашатаю озвучить приказ:

«Люди всех сословий, собравшиеся нынче здесь с оружием в руках вопреки миру божьему и человеческому, приказываем вам именем его величества разойтись по домам и впредь запрещаем, под страхом смерти, носить, пускать в ход и употреблять меч, кинжал или какое-либо другое оружие».

– Что ж, раз издан такой указ, я его не нарушу, – говорит Глостер, опуская меч. – Но с тобой, кардинал, мы еще поговорим. В другом месте.

– Ты за это заплатишься, Глостер, – отвечает епископ.

– Если вы немедленно не разойдетесь, я буду вынужден позвать стражу, – предупреждает лорд-мэр и отмечает, что кардинал ведет себя довольно-таки надменно.

Глостер вежливо и уважительно прощается с лорд-мэром, епископ же и тут не может удержаться от угроз:

– Береги голову, проклятый Глостер, я намерен в самое ближайшее время ее снести.

Глостер и епископ Винчестерский со своими слугами уходят в разные стороны.

Лорд-мэр смотрит им вслед и качает головой:

– Ну надо же, как эти господа разъярились! А я вот никогда в жизни не дрался.

Уходит.

Что ж, авторские симпатии и антипатии определены вполне ясно: герцог Глостер – благородный человек, уважающий законы, и надежный лорд-протектор, заботящийся о благополучии и безопасности маленького принца; епископ Винчестерский – злобный и тщеславный тип, обиженный на то, что его обошли при раздаче слонов, и готовый на любую подлость вплоть до прямой клеветы и киднеппинга. Племянник и дядюшка.

Однако же про задуманное ранее похищение младенца Генриха пока не слышно ни слова. Операция провалилась? Или епископ Винчестерский передумал? Или все еще впереди? Что ж, подождем.

Сцена 4

Франция. Перед Орлеаном

Всходят на стену оружейный мастер и его сын.

Оружейный мастер наставляет сына:

– Ты же знаешь, что Орлеан осажден англичанами, которые захватили предместья. Так вот, от шпионов нашего дофина Карла я узнал, что англичане вон в той башне устроили себе логово, поставили железную решетку и из-за нее наблюдают за позициями французских войск. Там постоянно находится кто-то из их наблюдателей. Я направил пушку точно на эту решетку, и как только там появится кто-нибудь из важных военачальников, надо будет стрелять. Я уже три дня тут караулю, но пока никого не выследил, а стоять больше нет сил. Так что я пойду отдохну, а ты оставайся и глаз не спускай с башни. Как только кого-нибудь выведишь – сразу беги за мной, я буду в доме коменданта. Все понял?

– Будь спокоен, отец, никого не упущу и сам смогу сделать точный выстрел, а ты отдыхай.

На башню поднимаются граф Солсбери и лорд Толбот, сэр Уильям Гленсдел, сэр Томас Гаргрев и другие.

Гленсдел и Гаргрев – персонажи вымышленные, поэтому мы можем только предполагать, что это английские полко-

вые командиры. Джона Толбота мы уже знаем, хоть на сцене его и не было, но разговоров о нем мы слышали предостаточно. А вот граф Солсбери – фигура новая, хотя и была уже трижды упомянута: он командовал войсками, осадившими Орлеан, и «дрался как лев».

Томас Монтегю, 4-й граф Солсбери, один из крупнейших английских военачальников времен Столетней войны. Считался очень искусным, опытным и удачливым, не проиграл ни одного сражения, особенно преуспел в разведке и осадном деле, пользовался большим уважением у своих подчиненных и солдат.

Солсбери искренне радуется возвращению лорда Толбота и нетерпеливо спрашивает: как с ним обращались в плену и как удалось освободиться? Толбот рассказывает, что его обменяли на французского дворянина, которого держал в плену герцог Бедфорд.

– Сначала меня хотели обменять на человека более низкого сословия, но я счел это оскорбительным и отказался. Лучше смерть, чем такой унижительный обмен. А когда предложили храброго достойного дворянина, я согласился, это был достойный выкуп. Но измена Фастолфа ранила меня в самое сердце! Попадись он мне – голыми руками удавлю.

– А как там с тобой обращались?

– Да как... Глумились, насмехались, унижали. Вывели на рыночную площадь всем напоказ, вот, мол, смотрите, это и есть гроза Франции, которой вас страшали. Ну, я, конечно,

не стерпел, вспылал, начал бросаться камнями в толпу. Выглядел, наверное, очень грозно, потому что люди от испуга разбежались. С того момента мои охранники начали меня бояться, думали, что я могу железные решетки руками сломать, так что глаз с меня не спускали.

– Это ужасно... Но мы за тебя отомстим, не сомневайся. В Орлеане сейчас ужинают, через решетку всех отлично видно – можно людей по пальцам пересчитать и укрепления рассмотреть. Хочешь сам взглянуть?

Солсбери просит Гаргрева и Гленсдела высказать свое мнение: куда лучше направить жерла пушек? Мнения военачальников расходятся: один считает, что бить нужно по северным воротам, другой – что удар следует нанести по бастиону. Толбот полагает, что город нужно взять измором или истощить постоянной перестрелкой. Пока они совещаются, происходит выстрел из города. Солсбери и сэр Томас Гаргрев падают.

Толбот бросается к раненым товарищам. У графа Солсбери *«выбит глаз и вырвана щека»*, с Гаргревом ничего не понятно, то ли жив, то ли нет. Толбот уже готов признать, что Солсбери погиб, выражает намерение устроить похороны и, причитая, перечисляет военные заслуги и доблести Томаса Монтегю, но граф начинает подавать признаки жизни.

Тревога; гром и молния.

– *Что там за шум?* – взволнованно спрашивает лорд Толбот. – *Откуда этот грохот и тревога?*

Входит гонец и сообщает, что французы начали наступление и во главе их войска стоят дофин Карл *«и Девственница Жанна, пророчица и новая святая»*.

Солсбери приподнимается и стонет.

Толбот торжественно клянется *«раскрошить в грязи мозг»* врага и *«копытами растоптать их сердца»*. Умиряющего Солсбери уносят в палатку.

Томас Монтегю, 4-й граф Солсбери, действительно был смертельно ранен удачным выстрелом мальчика-бомбардира, только случилось это осенью 1428 года, на несколько месяцев раньше истории с пленением Толбота (лето 1429 года). Но мы ведь уже привыкли к нарушениям хронологии у Шекспира и не обращаем на это особого внимания. Главное – факт, а он имел место.

Забудем об исторических реалиях и вернемся к некоторым нарушениям логики внутри самой пьесы. На самом деле лорда Толбота освободили из плена без выкупа из уважения к его военным заслугам, мы об этом уже говорили. Но это ладно. Насколько мы с вами помним, в Сцене 1 герцог Бедфорд клянется, что за каждого взятого в плен английского дворянина он готов отдать в качестве выкупа четверых французских пленных вельмож. Отметим: четверых! И что же получается за история с выкупом из плена лорда Толбота? Сначала за него предлагают одного (!) мелкого (!!)-дворянина, потом сходятся тоже на одном, но чуток познатнее. А как же клятвы Бедфорда? Почему никто о них не вспоминает,

почему никто не обсуждает, что лорд-протектор Франции не держит слово? Расчет на то, что зрители – лопухи, и к четвертой сцене уже не помнят, о чем говорилось в первой? Или дело в том, что сама пьеса – слепленная наспех халтура?

Сцена 5

Там же

Снова тревога.

Входит Толбот, преследуя дофина, и уходит за ним.

Затем входит Жанна д'Арк, гоня перед собой англичан, и уходит вслед за ними. Снова входит Толбот.

Джон Толбот в недоумении и ужасе от того, что его солдат гонит женщина в доспехах. Появляется Жанна, и Толбот предлагает ей сразиться один на один. Жанна принимает вызов, они начинают сражаться, обмениваясь взаимными угрозами и оскорблениями.

Уже по начальной авторской ремарке вы понимаете, что нам в одной сцене фрагментарно показывают переменчивый ход военных действий: побеждают то одни, то другие, и все, что произносит Толбот (а говорит он в этой сцене много), призвано служить просто комментариями к сражениям. Важен итог: французы побеждают, англичане вынуждены отступить.

Сцена 6

Там же

*Всходят на стену Жанна д'Арк, Карл, Рене, Алансон
и солдаты.*

Жанна торжественно объявляет:

– Мы прогнали волков от Орлеана! Как видите, я держу
СЛОВО.

Карл и Жанна

Дофин Карл рассыпается в комплиментах и благодарностях:

– Как мне отблагодарить тебя за этот подвиг? *«Нам возвращен прекрасный Орлеан. Счастливей дня не видела страна.»*

Рене Анжуйский и герцог Алансонский радуются и ликуют, предвкушая народный восторг и праздник.

– Это не наша заслуга, а только Жанны, – говорит Карл. – И я увековечу ее славу. Пусть все в стране молятся за нее.

Он клянется, что после смерти Жанны ее прах будет храниться в драгоценной урне, которую в дни торжеств будут выносить *«перед очи королей и королев»*. В общем, все счастливы и готовы обещать золотые горы.

Акт второй

Сцена 1 Перед Орлеаном

К воротам подходит французский сержант и двое часовых.

Прежде чем приступить к изложению сюжета, позволю себе процитировать Азимова: «В пьесе происходит возмутительная фальсификация исторических событий в угоду английскому тщеславию»². Собственно, это все, что нам нужно знать о пьесе «Генрих Шестой. Часть первая».

Сержант дает указания часовым: стоять по местам, не терять бдительности.

– Как только услышите звуки или увидите солдат – сразу подавайте условный сигнал нам на сторожевой двор.

– Будет исполнено, – обещает Первый часовой, а когда сержант уходит, удрученно вздыхает: – Бедные мы, бедные: нормальные люди сладко спят в своих постелях, а мы тут должны сторожить и в дождь, и в холод, и днем, и ночью.

Входят Толбот, Бедфорд, герцог Бургундский и

² А. Азимов. Путеводитель по Шекспиру. Английские пьесы. – М., 2017. – С. 555.

войска со штурмовыми лестницами. Барабаны бьют под сурдинку.

Толбот обращается к Бедфорду и герцогу Бургундскому:

– Французы весь день пировали и веселились, праздновали победу, сейчас все перепились и крепко спят. Нужно воспользоваться моментом и *«расплатиться с ними за обман, подстроенный проклятым колдовством»*.

Интересно получается... Впрочем, слова о колдовстве уже произносились, но как-то вскользь, мы и внимания не обратили. И Жанну называли «ведьмой», но мы подумали, что это просто фигура речи. Ан нет, оказалось, что все серьезно. Англичане совершенно искренне (как полагает Шекспир) думали, что победить их можно только при помощи колдовства. Ну а как иначе-то? Ведь битва при Азенкуре состоялась совсем недавно, в 1415 году, и Генрих Пятый блистательно выиграл ее, несмотря на многократно превосходящие силы французов. С этого момента английская армия считала себя поистине непобедимой. И вдруг такой облом... Конечно же, все дело в колдовстве, а не в ошибках военачальников и недостатках матобеспечения, других причин быть не может.

Бедфорд согласен с точкой зрения Толбота:

– Французы – трусы! Они поняли, что оружием и солдатами не смогут справиться с нами, и вступили в сговор с ведьмой и адом.

– А кто, собственно говоря, эта Дева, с которой они так

носятся? – спрашивает герцог Бургундский.

– Говорят, девица, – отвечает Толбот.

– Что, она действительно девушка? – удивляется герцог Бедфорд. – И такая смелая в бою? Не ожидал!

– Ну, дай бог, чтобы она не превратилась в мужика. А то ведь может превратиться, если будет продолжать воевать, – говорит герцог Бургундский.

– Да пусть они хитрят, колдуют и призывают темных духов, а с нами – Бог, он нам поможет, – уверенно говорит Толбот.

Военачальники разрабатывают план вторжения: нужно продумать несколько путей, чтобы если на одном их постигнет неудача, остальные могли продолжать атаку. Утвердив план, англичане взбираются на стену с криками: «Святой Георгий!», «Толбот!» – и проникают в город.

Часовой за сценой кричит:

– К оружию! Враг наступает!

Французы в одних рубашках перепрыгивают через стену. Входят с разных сторон полуодетые Бастард, Алансон, Рене.

– Что это, господа? – удивляется Алансон. – Вы не одеты?

Хороший вопрос. Можно подумать, он сам при полном параде. А как же авторская ремарка? «Полуодетые... в одних рубашках...»

– Спасибо, что хоть так смогли удрать, – отзывается Ба-

стард Орлеанский.

– Проснулись, прыгнули с кровати – и бегом, – дополняет его Рене Анжуйский.

– Я уж сколько лет участвую в военных действиях, а о таком дерзком и отважном подвиге не слыхал, – качает головой Алансон.

Ну вот, еще один комплимент англичанам из уст врага.

– Мне кажется, этому Толботу дьявол люльку качал, – говорит Бастард.

– Ну, или дьявол ему помогает, или небеса его защищают, – предполагает Рене.

Герцог Алансонский, по-видимому, пытается во всем найти строгую логику. Его следующая реплика коротка, но может иметь достаточно длинную расшифровку.

– *Вот Карл. Дивлюсь, как мог он уцелеть.*

За этими словами, исходя из контекста разговора, вполне ясно читается: «Если Толботу помогают дьявол и ад, как вы утверждаете, то дофин уж точно должен был погибнуть, потому что его смерть и является главной целью наших врагов. Если главная цель не достигается, то зачем прибегать к темным силам?»

Однако у Бастарда Орлеанского и тут находится ответ:

– *Ну что ж! Ему защитой святая.*

Входят Карл и Жанна д'Арк.

Карл гневно упрекает Жанну:

– Так вот твое искусство? Обманщица! Сначала ты устро-

ила нам маленькую победу, чтобы втереться в доверие, а теперь допустила, чтобы мы потеряли в десять раз больше!

Жанна оправдывается:

– Ты несправедлив, Карл. Я не могу быть сильной круглые сутки, мне тоже нужно хотя бы иногда спать. Хочешь меня сделать виноватой? А как же твоя стража? Если бы они все не прохлопали, никакой беды не случилось бы.

Так, перевалить вину на Жанну не получилось, посмотрим, кто еще тут есть под рукой. А, Алансон! Вот с него и спросим.

– Герцог Алансон, это ваша вина! – заявляет дофин. – Вы назначены начальником над стражей и не сумели организовать несение службы.

Но и у Алансона есть, чем отбиться:

– На моих участках охрана была организована безупречно. А вот на других участках – не поручусь. Если бы там все было сделано так же, как у меня, нас бы не застали врасплох так позорно.

Иными словами, «поищите еще кого-нибудь». «Еще кто-нибудь» – это, как выясняется, Бастард Орлеанский.

– На моем участке охрана была надежная, – говорит он.

– И на моем тоже, – быстро добавляет Рене.

– Я всю ночь вдоль и поперек осматривал свой участок и участок Жанны, проверял часовых. Откуда же они могли вторгнуться? – недоумевает Карл, так и не нашедший подходящего козла отпущения.

– Да какая разница? – вполне резонно замечает Жанна. – Откуда, как... Что толку-то в этих рассуждениях? Враг нашел слабое место и прорвался, вот и весь сказ. Нам нужно срочно мобилизовать остатки войска и разработать новый план, а не болтать.

*Тревога. Входит английский солдат с криком:
«Толбот! Толбот!» Все бегут, бросив свое платье.*

Это была, как выясняется, шутка мародера. Солдат один, без поддержки, решил взять французов на испуг, в чем вполне преуспел. Он с удовлетворением рассматривает брошенную беглецами одежду.

– Хорошо, есть чем поживиться! Крик «Толбот!» отлично проканал вместо оружия. *«Изрядно нагрузился я добычей, сражаясь только именем его».*

Тоже весьма занятный эпизод. Если исходить из дословного толкования текста, то картина выглядит следующим образом: французы выскакивают из постелей полуодетыми, но прихватывают с собой верхнюю одежду. Тут все понятно и логично. Потом довольно долго стоят на сцене и выясняют, кто виноват. Когда появляется солдат-мародер, они убегают, бросив вещи. Вопрос: а почему они не оделись, пока разговаривали? Времени было достаточно. Что, так и стояли полуголые с тряпками в руках? Как-то глупо получается... Нет, мы с вами все понимаем: брошенная в страхе одежда нужна драматургу (кто бы он ни был, Шекспир или кто другой) как символ того, что одно лишь имя великого полководца Джо-

на Толбота способно повергнуть в ужас французскую армию. Но какую-никакую логику поступков все же хотелось бы видеть.

Сцена 2

Орлеан. Внутри города

Входят Толбот, Бедфорд, герцог Бургундский, капитан и другие.

Герцог Бедфорд отдает приказ трубить отбой и прекратить погоню за сбежавшими французами. Джон Толбот распоряжается принести тело погибшего Солсбери и выставить на торговой площади. Он произносит еще много слов о том, как будут чтить героя, и вдруг в конце монолога сворачивает на более насущное:

– А что-то я во время сражения не видел ни дофина, ни Жанны, *«и никого из их клеветов подлых»*.

– Думаю, они, скорее всего, вскочили с постели, когда битва закончилась, смешались с вооруженной толпой, перепрыгнули через стену и убежали в поля, – предполагает Бедфорд.

– Мне кажется, я их спугнул, – сообщает Бургундец. – Конечно, в дыму сражения да в тумане видно не очень хорошо, но я уверен, что видел именно их, дофина Карла и Жанну. Они быстро бежали, взявшись за руки, *«как парочка влюб-*

ленных голубков», как будто ни днем, ни ночью не могут расстаться. Ничего, мы сначала здесь наведем порядок, а потом последуем за ними с войском. Догоним.

Входит гонец с сообщением для лорда Толбота.

– Вас приглашает в гости графиня Овернская. Она жаждет своими глазами увидеть самого славного и смелого военачальника английской армии.

– Ух ты! – смеется герцог Бургундский. – Уж если дамы назначают свидания, значит, война перестает быть серьезной и превращается в невинную забаву. Идите, милорд. Графине отказывать нельзя.

Толбот и не думает отказываться, более того, предлагает товарищам поехать вместе с ним.

– Нет-нет, это неприлично, – возражает герцог Бедфорд. – Незванный гость хуже сами знаете кого.

*Я слышал, что непрошеные гости
Приятнее всего, когда уходят.*

– Ладно, пойду один, коль так, испытаю любезность дамы, – говорит Толбот.

Он просит капитана подойти поближе и что-то *шепчет* ему на ухо.

– Вы все поняли?

– О да, милорд, – отвечает капитан. – Все сделаю, как вы сказали. Не подведу.

На этом сцена заканчивается, оставляя нас стогреть от любопытства: что ж за каверзу придумал лорд Джон Толбот?

О чем он шептался с капитаном (по-видимому, своим адъютантом)?

Сцена 3

Овернь. Замок графини

Входят графиня Овернская и привратник.

– Ты все помнишь, что нужно сделать? – строго спрашивает графиня. – Когда закончишь – отдашь мне ключи.

– Да, мадам.

Похоже, у графини Овернской тоже есть какой-то хитрый план. Во всяком случае, она его обдумывает (вслух) и мечтает прославиться своим подвигом, но в чем его суть – не раскрывает.

Входят гонец и Толбот.

– Графиня, я привел лорда Толбота, которого вы велели пригласить, – говорит гонец.

– Кто Толбот? Вот этот человек? – с недоверием переспрашивает графиня.

– Да, мадам, он самый, – подтверждает гонец.

Лорд Толбот и графиня Овернская

– Вот это чмо – тот самый бич французов, которого все так боятся? *«Чьим именем пугает мать ребенка?»* Что ж, вижу, что слухи сильно преувеличивают действительность. Я-то думала, сейчас войдет настоящий Геркулес – огромного роста, могучего сложения, с суровым лицом, – а передо мной какой-то карлик, жалкий морщинистый урод! Да может ли такое быть, чтобы это ничтожество нагоняло на французов такой страх?

– Графиня, вы, кажется, не в духе. Я, пожалуй, приду в другой раз, – с достоинством произносит лорд Толбот.

Он хочет уйти, но графиня велит гонцу подойти к гостю и поинтересоваться, куда он уходит и почему. А сама не мо-

жет спросить? Это ниже ее достоинства? Ну да, она же демонстрирует недоверие к гостю, считая, что это не полководец, а самозванец. Не к лицу родовитой дворянке графине Овернской разговаривать с низкородным незнакомцем.

– Она же мне не верит, – объясняет лорд Гонцу. – *«Уйду, чтоб доказать, что Толбот я».*

Более чем странное намерение. Хотелось бы знать, каким образом уход может кому-то что-то доказать?

А тут как раз *входит привратник с ключами.*

– Ну, если ты и в самом деле лорд Толбот, то ты – мой пленник, – злорадно объявляет графиня.

– Я – пленник? Хотелось бы знать, чей.

– *Мой, кровожадный лорд!* Я тебя специально для этого и пригласила. У меня среди картин давно висит твой портрет, а теперь вот живой экспонат будет. Ты столько лет опустошал мою страну, убивал и брал в плен французов, отнимал наших мужей и сыновей, теперь будешь сидеть у меня в цепях.

– Ха-ха! – дерзко отвечает лорд Толбот, ничуть не испугавшись.

– Смеешься? Погоди, еще плакать будешь, – грозит графиня.

– Да я смеюсь над вашим безумием, графиня. Вы что же, полагаете, что взяли меня в плен? Ничего подобного. Не меня вы взяли, а только мою тень.

– Почему тень? – не понимает графиня. – Разве вы не лорд Толбот?

– Лорд Толбот.

– Значит, у меня в плену именно вы, а не ваша тень.

– Ошибаетесь, мадам, здесь с вами не я, а только крошечная частичка настоящего Толбота, поистине его зыбкая тень. Если бы сюда вошел настоящий Джон Толбот во всей красе и мощи, вы бы увидели разницу.

– Вы говорите загадками, – растерянно произносит графиня. – Я вас не понимаю.

– Сейчас объясню, – обещает Толбот и трубит в рог.

Бьют барабаны, залп орудий. Входят солдаты.

– Ну, графиня, что скажете теперь? Убедились, что тот Толбот, который только что стоял перед вами, – это лишь маленькая часть настоящего Толбота? А настоящий Толбот во всей своей мощи сметает крепости и города и быстро смиряет непокорных.

Графиня в полном шоке и начинает извиняться:

– *Прости меня, победоносный Толбот!* Ты на самом деле великий полководец. Не прогневайся на мою дерзость. Мне искренне жаль, что я не проявила к тебе должного уважения.

Наш лорд Толбот милосерден и великодушен:

– Не пугайтесь, графиня, я не так суров и строг, как вам показалось по моему виду. И я на вас не обиделся. Давайте в знак примирения накормим моих бойцов и сами поужинаем.

– Почту за честь угостить в своем доме такого героя, как вы, – с облегчением произносит графиня Овернская.

Азимов считает, что «французская графиня тут же влюб-

ляется в Толбота». Ну не знаю... Я не вижу ни в авторских ремарках, ни в репликах героев никаких указаний и даже намеков на подобное развитие событий. Но, возможно, я плохо смотрю и не все понимаю. А вы как считаете?

Сцена 4

Лондон. Сад Темпла

Входят графы Сомерсет, Сеффолк и Уорик; Ричард Плантагенет, Вернон и стряпчий.

В этом месте начинается сложное. Понимаю-понимаю, хочется, чтобы было просто и понятно. Но оно и будет просто, если один раз вникнуть. Достаточно быть чуточку внимательнее и заметить, в каком месте авторской ремарки стоит точка с запятой при перечислении действующих в сцене лиц. Эту точку с запятой не я поставила, честное слово. У Шекспира таким образом изначально заявлено разделение активных персонажей на две группы. В одной – три графа, Сомерсет, Сеффолк и Уорик, в другой – Ричард Плантагенет, Вернон и стряпчий. Стало быть, все шестеро не «одной крови», а лица, между которыми существуют некие противоречия, а возможно, и конфликты.

Да, конфликт есть. Это конфликт интересов. Граф Сомерсет и Ричард Плантагенет – потомки короля Эдуарда Третьего. Из-за чего сыр-бор? Частично мы уже говорили об этом,

когда представляли вам участников Сцены 1 в первом акте. У Эдуарда было пятеро сыновей. То есть на самом деле больше, но некоторые умерли в раннем возрасте, так что считаем по выжившим. После смерти Эдуарда Третьего на трон сел потомок по линии первого сына, как и положено, затем его сменил (на самом деле – сместил, но это к делу не относится) потомок третьего сына, который стал королем Генрихом Четвертым и положил начало династии Ланкастеров. У того самого третьего сына, батюшки Генриха Четвертого, были и внебрачные дети, впоследствии признанные законнорожденными, поскольку этот третий сын по имени Джон Гонт в конце концов все-таки женился на своей давней любовнице и задним числом узаконил сыновей-бастардов. Эту историю мы уже изучали, когда знакомились с двумя внебрачными сыновьями Гонта, помните? Томас Бофор, герцог Эксетер, и Генри Бофор, епископ Винчестерский. Но был и еще сын, Джон Бофор, граф Сомерсет, самый старший, который к моменту событий, разворачивающихся в пьесе, давно уже помер, однако успел оставить четверых сыновей. Один из них рано умер, еще один никогда не именовался Сомерсетом, а вот двое остальных носили в разное время титулы графа и герцога Сомерсета и вполне могли претендовать на престол, ежели у Ланкастеров вдруг не окажется потомства. И действующий монарх, и Сомерсеты – потомки одного и того же Джона Гонта Ланкастерского, третьего сына короля Эдуарда. Кто же из оставшихся двоих сыновей Джона Бофора дей-

ствует в пьесе под именем «Сомерсет», Джон или Эдмунд? Пока непонятно, авторских указаний нет, так что попробуем разобраться по ходу.

Ричард Плантагенет имеет не менее славную родословную: по отцу он является потомком (внуком) четвертого сына короля Эдуарда, зато по линии матери – потомком (правнуком) второго сына. Вот такой замес. Иными словами, по мужской линии он, безусловно, уступает потомкам третьего сына, Джона Гонта Ланкастера, а по женской линии – превосходит их, имея более сильные позиции в деле престолонаследия.

Сцена начинается с вопроса, который Ричард Плантагенет задает своим собеседникам:

– Что вы молчите, господа? Неужели никто из вас не собирается отстаивать правду?

– В зале Темпля было слишком шумно, поэтому мы не поддержали разговор. Давайте поговорим здесь, в саду, – отвечает герцог Сеффолк.

– Хорошо, скажите, каково ваше мнение? Кто из нас прав, – я или Сомерсет?

Выбор алых и белых роз в саду Темпля (гравюра по картине Джона Петти, 1874)

Судя по этим словам, Ричард Плантагенет поставил вопрос ребром: кто имеет больше прав притязать на престол, если трон вдруг освободится? Вопрос адресован графу Сеффолку, видному государственному и военному деятелю, участнику боевых действий в ходе Столетней войны. Гражданское имя этого человека – Уильям де ла Поль.

– А я не разбираюсь в законах, – с военной прямоотой отвечает Сеффолк. – Зачем мне их знать? Все равно не я подчиняюсь законам, а они – мне.

В разговор вступает второй претендент на корону, граф

Сомерсет, который адресуется аналогичный вопрос графу Уоррику.

– Рассудите нас, пожалуйста, граф Уоррик.

– О, это не по моей части! – сразу отнекивается Уоррик. – О соколах, об охоте, о лошадях, о бабах – это ради бога, тут я еще что-то соображаю, но в законах – ни бум-бум.

*Но в этих хитрых тонкостях закона,
Клянусь душой, я не умней вороны.*

Ричард недоволен.

– Это все отговорки, граф. Даже слепому видно, что прав именно я.

– Нет, слепому как раз видно, что прав я, – возражает Сомерсет.

– Хорошо, не хотите говорить – выразите свое мнение без слов, – предлагает Ричард Плантагенет. – Кто согласен с тем, что я прав, пусть сорвет белую розу с куста.

– А кто считает, что прав я, пусть сорвет алую розу, – добавляет Сомерсет.

Уоррик срывает белую розу со словами:

– Не люблю никаких красок, поэтому выбираю белый цвет.

– А я считаю, что прав Сомерсет, и срываю алую розу, – говорит Сеффолк.

Вмешивается Вернон:

– Погодите, господа, давайте сначала четко договоримся: тот, кому достанется меньше роз, обязан безоговорочно признать правоту соперника.

Ну, такая доморощенная демократия.

Сомерсет и Плантагенет сразу же соглашаются, без споров. Тогда Вернон срывает белую розу, отдавая свой голос за Ричарда. Сомерсет, конечно, недоволен и пытается угрюмо острить:

– Смотрите, осторожнее, Вернон, а то уколетесь шипом, кровь пойдет, цветок окрасится, и получится, что вы помимо воли будете стоять с красным цветком в мою пользу. Ну, кто еще не выразил своего мнения?

А остался-то только стряпчий. Если по-современному – юрист.

– Если мои знания и все книги, которые я изучил, меня не обманывают, то аргументы Сомерсета кажутся мне сомнительными, – говорит он. – Я срываю белую розу.

– Ну, Сомерсет, давайте, подкрепляйте свои аргументы, – обращается к конкуренту Ричард Плантагенет.

– Аргументы у меня в ножнах, – грозно отвечает Сомерсет, – и этот аргумент окрасит вашу белую розу в красный цвет.

– Ого, как вы побледнели от страха! Стали таким же белым, как моя роза. Значит, я точно прав, – констатирует Ричард.

– Я побледнел не от страха, а от гнева! А тебе следовало

бы покраснеть от стыда и стать таким, как моя роза.

Претенденты еще какое-то время обмениваются репликами, упражняясь в злобном остроумии и обыгрывая тему червей и шипов, которые можно обнаружить в розах. Доходит до того, что Ричард называет Сомерсета «дерзким мальчишкой» и заявляет, что презирает его. А ведь как цивилизованно все начиналось! «Господа, давайте обсудим... Рассудите, кто из нас прав...» Сплошное лицемерие!

– Насчет презрения – это уж слишком, – замечает Сеффолк, пытаясь снизить накал скандала.

Но Плантагенета уже понесло.

– А я и тебя презираю, Уильям де ла Поль!

– Я тебе это твое презрение в глотку запихну! – не выдерживает Сеффолк.

– Перестань, де ла Поль, – сдерживает его граф Сомерсет. – Много чести беседовать с этим мужланом.

– Осторожней, Сомерсет, – говорит Уорик, – не забывай, что Ричард – потомок Лайонела, третьего сына короля Эдуарда.

Так, не запутайтесь в счете сыновей Эдуарда Третьего. Мы уже договорились, что считаем «по выжившим», и по этому счету Лайонел – второй сын (между старшим сыном и Лайонелом родился еще мальчик Уильям, который рано умер). Шекспир, как и многие историки и хронисты, считает «по всем родившимся», и у них Лайонел – третий сын короля, а Джон Гонт – четвертый. В вопросах престолонаследия

важна не конкретная цифра, а именно последовательность: кто раньше родился – у того больше прав. Лайонел, предок Ричарда Плантагенета, родился почти на 2 года раньше Джона Гонта, от которого ведет свой род Сомерсет, вот и весь сказ. А как их называть, «вторым и третьим» или «третьим и четвертым», уже неважно.

– Он такой храбрый, потому что занимает высокие посты, – презрительно комментирует Ричард Плантагенет. – Здесь-то он ничего не боится, а пусть попробует сказать то же самое в другом месте.

– Я в любом месте это повторю, – клянется Сомерсет. – Ты уже забыл, как твоего отца казнили за измену при Генрихе Пятом? Или будешь отрицать, что и на тебе пятно позора и за это тебя лишили древних титулов? Грех отца остался в твоей крови, и пока не докажешь обратного и не очистишь свое имя, все имеют право считать тебя мужланом.

Отец Плантагенета, Ричард Кембридж, действительно участвовал в заговоре против короля Генриха Пятого, был обвинен в измене, лишен всех титулов и владений и казнен. Поэтому в данный момент в пьесе Ричард носит только родовое имя «Плантагенет», которое выполняет функцию фамилии, а не титула. Титулов у него никаких нет, все отняли. Хотя, если подходить к вопросу совсем строго, то один-то титул у него имеется, унаследован от дядюшки, погибшего в битве при Азенкуре и не оставившего наследников. Так что благодаря героическому дяде, брату отца, Ричард имеет пра-

во именоваться 3-м герцогом Йоркским, но пока что Шекспиру это без надобности. Станет нужным – он сразу вспомнит, вот увидите.

– Да, моего отца обвинили в измене, но он никогда не был изменником, его обвинение неправосудно. Придет время – и я сумею это доказать. А тебя, Сомерсет, и твоего клеветника де ла Поля я внесу в свой черный список. Имейте в виду, я вас предупредил.

– Ну, как соберешься – ты знаешь, где нас искать, – небрежно отвечает Сомерсет. – Моих сторонников всегда легко найдешь по алой розе, они все будут носить этот цветок.

– В таком случае мои сторонники будут носить белую розу.

– Иди и подавись своим честолюбием, – бросает на прощание Сеффолк.

Сомерсет и Сеффолк уходят.

– Они меня оскорбили, и я должен это терпеть! – в гневе восклицает Ричард Плантагенет.

– Не волнуйся, – успокаивает его граф Уорик, – на ближайшем заседании парламента справедливость будет восстановлена. Пятно, которое порочит твою репутацию, будет стерто, и тебя провозгласят герцогом Йорком. В знак любви и поддержки я тоже буду носить белую розу. Чует мое сердце, наш сегодняшний раздор приведет к большому кровопролитию.

Плантагенет благодарит Вернона и стряпчего за то, что приняли его сторону и сорвали белые розы, и приглашает всех обедать. Ему тоже кажется, что нынешняя ссора с Сомерсетом закончится вой-ной.

Сцена 5

Тауэр

Мортимера в кресле вносят два стража.

Вот и еще одна новая для нас фигура – Эдмунд Мортимер. Он – дядя Ричарда Плантагенета, родной брат его матери. Поскольку Мортимер, равно как и мать Ричарда, ведет свой род от второго сына короля Эдуарда, то имеет право претендовать на престол точно так же, как и племянник, сын сестры. Появление Мортимера сопровождается его монологом, из которого нам предстоит узнать, какую очередную фальшивку собирается подсунуть нам Шекспир.

– *Вы, стражи дряхлых лет моих...* – начинает Мортимер, обращаясь к стражникам.

Так, пойдём по порядку. Во-первых, Эдмунд Мортимер родился в 1391 году, а скончался в 1425 году. Даже если предположить, что сцена имеет место прямо перед его кончиной, то персонажу всего 33 года. Это что, «дряхлые года»?! Даже с учетом эпохи – не соглашусь. Во-вторых, Эдмунд Мортимер умер не в Тауэре, а в Ирландии, где занимал

достаточно высокий пост. В-третьих, в Тауэре он действительно сидел довольно долго, но было это очень давно, еще при короле Генрихе Четвертом, который, как и любой узурпатор, занявший трон силой, а не естественным путем, изо всех сил старался избавиться от любых претендентов на престол. Следующий король, Генрих Пятый, надевший корону уже в совершенно законном порядке, никаких претендентов не боялся и освободил Мортимера, вернул ему все титулы и привилегии, а после смерти Генриха Пятого Эдмунд Мортимер вошел в регентский совет при малолетнем короле. Более того, отец Ричарда Плантагенета затеял заговор как раз с целью сместить Генриха Пятого и посадить на его место Мортимера, поскольку его претензии на престол выглядели более весомыми. Когда Эдмунд узнал об этом, он пошел к королю и всех сдал. Видимо, очень был благодарен Генриху за освобождение из тюрьмы, искренне стремился служить ему и больше не хотел никаких неприятностей. Ричард Кембридж, отец Ричарда Плантагенета, был казнен вместе с другими заговорщиками, а Эдмунд Мортимер продолжал исправно нести службу королю. Так что молодому, полному сил, обласканному властью и преданному короне Мортимеру совершенно нечего было делать в Тауэре, да еще в кресле, изображая из себя немощного умирающего старика.

Но у автора пьесы свои резоны, ему нужны персонажи с определенными характеристиками, которые будут своими поступками двигать сюжет в нужном направлении. Поэтому

он, как мы уже неоднократно убеждались, берет кое-что подходящее из реальности, а кое-что придумывает. Для удобства. Так что в данной пьесе мы имеем очень старого претендента на корону, без наследников (что правда: Эдмунд Мортимер умер, не оставив детей), озлобленного на власть (поскольку сидит в тюрьме и, судя по всему, уже давно). Этот персонаж может передать свои претензии на престол только одному человеку – своему родному племяннику Ричарду Плантагенету. Вот такая экспозиция.

В своем монологе Мортимер расписывает, как он стар и болен, и что скоро, дескать, в могилу сойдет, и кудри-то у него уже седые, и ноги не ходят.

– А племянник мой придет? – спрашивает он стража.

– Придет, милорд, придет, – отвечает стражник, – за ним послали.

– Хорошо. Моя душа будет спокойна, если я с ним поговорю. Бедный парень! Он обижен, как и я. Я сижу в тюрьме с тех пор, как на трон сел Генрих Пятый. (Наглая ложь! Генрих Пятый его освободил, а посадил Генрих Четвертый.) А ведь до этого *«я в битвах был велик»*. (Еще одна ложь, ибо Генрих Четвертый взошел на престол, когда Эдмунду было всего 8 лет, так что до Тауэра он ни в каких битвах *«быть великим»* не мог при всем желании.) *«С тех самых пор и Ричард опозорен, наследия и почестей лишен»*. (Это уж совсем ни в какие ворота. Чем, как и когда опозорен Ричард Плантагенет и какова была во всем этом роль Эдмунда Мортимера, мы

с вами только что выяснили. Ричард пострадал потому, что виноват был его отец, это так, но Эдмунд-то вышел из ситуации весь в белом.)

Входит Ричард Плантагенет.

– Пришел твой опозоренный племянник, дядюшка, – говорит он.

– О каком позоре ты говоришь? – спрашивает Мортимер.

– Сегодня у меня был разговор с Сомерсетом. Он распустил язык и попрекнул меня тем, что моего отца казнили. Так вот, я хотел бы знать, за что казнили моего отца.

Вот те на! Это как же понимать? Ричард что, не знает? Как такое вообще возможно? Он же не в безвоздушном пространстве живет. Его отца казнили в 1415 году, уж столько лет прошло, а ему так и не рассказали? И он сам никого не спросил? Да быть не может! Нет, дорогие товарищи, я все понимаю: вопрос был задан, чтобы озвучить ответ и поведать зрителям всю ту эпопею с престолонаследием, которую мы с вами уже тщательно разобрали. Иными словами, это банальный авторский прием. Но нужно же меру хоть какую-то знать и минимально блюсти логику человеческого мышления. Взрослый мужик, ввязывающийся в политическую борьбу за место на престоле, просто не может быть таким неосведомленным идиотом. Это нонсенс. Более того, в предыдущей сцене Ричард Плантагенет уверял, что непременно докажет невиновность своего отца, который не был и не мог быть изменником. То есть позиционировал себя как

человека, который досконально знает, в чем суть вопроса, и ему нужно только время, чтобы собрать доказательства.

– Причина того, почему я во цвете лет оказался в тюрьме, и есть причина казни твоего отца, – отвечает Мортимер.

Подробнее разъясни причину эту;

Не знаю я, и мне не догадаться, – просит Ричард.

Ну вот, еще лучше. Оказывается, почему дядюшка сидит в Тауэре, наш Ричард тоже не в курсе. И тоже почему-то ни у кого никогда не интересовался.

«Старик» Мортимер начинает излагать то, что мы уже знаем: кто кому наследует и почему. Правда, короля Ричарда Второго он почему-то называет сыном Эдуарда Третьего, его первенцем, хотя на самом деле Ричард был не сыном, а внуком, сыном умершего первенца Эдуарда Черного Принца. Но это не суть важно. Все остальное в его рассказе соответствует фактам, поэтому пересказывать монолог незачем.

– Мортимеров, таким образом, отстранили от права на трон, – заканчивает свой рассказ Эдмунд Мортимер.

– И вы, дядя, последний из них, – уточняет Ричард.

– Да. Но у меня нет детей, и мой наследник – ты. Теперь все в твоих руках. Но тебе нужно быть крайне осторожным.

– То, что вы мне сообщили, очень важно. Выходит, казнь моего отца была не заслуженным наказанием, а расправой кровавого тирана.

Да елки-палки! «Выходит». А ты думал иначе, что ли? Тогда о чем ты вообще говорил Сомерсету, когда грозился до-

казать, что отец не изменник и обвинение ложно? Более того, в данном эпизоде поражает еще одна вещь – просто-таки патологическая неосведомленность Ричарда Плантагенета о вещах, которые должны были быть ему известны с раннего детства. Он дворянин и, повторюсь, королевской крови, так что все нюансы своей родословной он должен был изучить даже раньше, чем выучил буквы. Таковы были законы времени. Он не мог не знать о том, что Мортимеры – претенденты на престол, что Эдмунд – возможный кандидат, и сам он, Ричард, точно такой же кандидат, поскольку его мать – родная сестра Эдмунда. Если бы Ричард Плантагенет этого не знал, то как мог состояться разговор в саду Темпля – непонятно. Он же считает себя претендентом, спорит об этом с Сомерсетом – и вдруг такой разговор с дядей... Логика – ноль.

– Молчи! – предостерегает его Эдмунд. – Будь осмотрителен, племянник: дом Ланкастеров стоит прочно, его не сдвинуть.

Эдмунд Мортимер умирает на руках у племянника, Ричард Плантагенет произносит над его телом скорбную речь, обещает позаботиться о погребении. Когда стражники уносят тело, он озвучивает твердое намерение восстановить честь и доброе имя, а также опровергнуть обиды и оскорбления, которые нанес ему граф Сомерсет:

А потому я поспешу в парламент.

*Иль нашей крови право возвращу,
Иль зло себе во благо превращу.*

Акт третий

Сцена 1 Лондон. Парламент

Трубы.

Входят король Генрих VI, Эксетер, Глостер, Уорик, Сомерсет, Сеффолк, епископ Винчестерский, Ричард Плантагенет и другие. Глостер пытается подать бумагу; епископ Винчестерский хватает ее и разрывает.

К этому моменту всем вам, наверное, уже понятно, что соотносить действие пьесы с реальной жизнью – занятие пустое и бессмысленное. Если король Генрих Шестой явился на заседание парламента, то он уж точно не младенец. Значит, прошло много лет. События в Орлеане, как помните, имели место в 1428–1429 годах, когда королю было 6–7 лет. Стало быть, миновало с тех пор еще лет 10, никак не меньше. С другой стороны, Эдмунд Мортимер скончался в 1425 году, а тот парламент, на котором разбирался конфликт герцога Глостера и епископа Винчестерского, созывался в 1426 году. Одним словом, Шекспир с реальностью разошелся окончательно и бесповоротно, и мы больше не будем даже пытаться что-то уточнять и в чем-то разбираться. Короче, король

уже достаточно взрослый, чтобы присутствовать в парламенте. На этом все.

Итак, Хамфри Глостер, дядя короля, пытается подать какую-то бумагу, Генри Бофор, епископ Винчестерский, этому препятствует и бумагу рвет.

– Что, донос на меня притащил? – злобно вопрошает епископ. – Долго сочинял, наверное, готовился? Если хочешь меня в чем-то обвинить, делай это вслух и без подготовки, и я тебе сразу отвечу при всех, мне подготовка не нужна.

– *Кичливый поп!* – восклицает Глостер. – Если бы не уважение к этим стенам, ты бы увидел, каков я в гневе! Если я подаю бумагу, то совсем не потому, что в ней ложь и я боюсь открыто ее огласить. О твоих подлых и гнусных делах даже дети знают. Ты самый злостный ростовщик на свете, ты враг мирной жизни, ты распутник, несмотря на сан священника. Ты, прелат, пытался меня убить! Куда ж больше-то. Уверен, что ты и королю желаешь зла.

– *Глостер! Тебя я презираю!* – негодует епископ. – Лорды, я готов ответить на обвинения. Если я такой порочный, алчный и спесивый, как здесь сказали, то почему же я так беден? Где мои деньги? Почему я верен духовному призванию и не лезу делать карьеру? Нет, милорды, корень зла не в том, что я порочен, а в том, что герцог хочет убрать меня с дороги и править страной единолично *«и никого не подпускать к монарху»*. Я докажу ему, что равен...

– Кто равен? – возмущенно спрашивает Глостер. – Ты –

мне? Ты, побочный сын моего деда?

– Ах, боже мой! А ты сам-то кто? Ты тиран, севший на чужой трон.

– *Поп наглый!* Я – лорд-протектор!

Стоп. Пауза и новая попытка разобраться. Если Хамфри Глостер до сих пор лорд-протектор, значит, король все еще не правит самостоятельно. Официально Глостер был протектором до 1429 года, то есть королю Генриху Шестому исполнилось к тому времени 7–8 лет. Сессия парламента, как уже говорилось, состоялась в 1426 году. Королю 4–5 лет? Возможно. Ну, поглядим, что будет дальше. Может, он действительно просто сидит, изображая монарха и болтая ножками в высоком кресле.

– Ты протектор, а я – прелат божьей церкви, – отвечает епископ.

– Ага, ты такой же прелат, как разбойник, который грабит людей, прикрывшись маской рыцаря.

– *О нечестивый Глостер!*

– Ой, можно подумать, ты сам очень благочестив.

– Меня защищает Рим!

– Вот и беги в свой Рим за защитой.

В ссору вмешивается граф Сомерсет:

– Милорд, не наносите оскорблений.

Судя по тому, что Сомерсет обращается к Хамфри Глостеру, он собирается защитить епископа Винчестерского, то есть встает на его сторону и готов признать его правоту. Что

ж, все естественно, ведь мы помним, что епископ, Генри Бофор, приходится родным дядей и Эдмунду Бофору, и Джону Бофору-младшему, хотя до сих пор так и не ясно, кого из них имел в виду Шекспир под именем «граф Сомерсет». Точно известно одно: оба они – сыновья Джона Бофора-старшего, родного брата Генри Бофора. Сомерсету отвечает уже не протектор, а граф Уорик:

– А пусть ваш епископ не заносится!

Стало быть, граф Уорик примыкает к сторонникам Глостера. Расстановка сил постепенно принимает более ясные очертания. Сомерсет, однако, не обращает внимания на Уорика и продолжает говорить с Глостером:

– Вам следует быть более благочестивым и все-таки проявить уважение к духовному сану.

Глостер по-прежнему игнорирует Сомерсета, и за него вновь вступает Уорик:

– Как по мне, так это епископу следует быть более смиренным. *«Прелату эти распри не к лицу».*

– Но когда оскорбляют священный сан... – пытается возразить Сомерсет.

Однако Уорик перебивает его, не давая закончить мысль:

– *Священный, не священный – все равно.* Герцог Глостер – протектор короля, это неоспоримо, и это означает, что он главный.

Ричард Плантагенет, наблюдая парламентскую свару, думает: «Надо сидеть тихо и молчать. Если я скажу хоть слово,

меня тут же осекут, дескать, помолчи, любезный, не вмешивайся, когда лорды разговаривают. Эх! Как бы я хотел сейчас высказать Винчестеру все, что я думаю!»

Слово берет король Генрих. Ну наконец-то! Сейчас мы, бог даст, хоть что-нибудь пойдем про этот персонаж.

– Дяди Винчестер и Глостер, вы верховные правители страны. Прошу вас, пожалуйста, помиритесь, соедините «сердца в любви и дружбе». Для репутации нашего трона нехорошо, что два таких знатных лорда ссорятся. Я, конечно, еще совсем маленький, но поверьте мне, гражданская война – это очень плохо для государства.

*Какой престолу нашему позор,
Что два таких высоких пэра в ссоре!
Поверьте мне, милорды, я могу
Сказать, хотя и очень юн годами:
Раздор гражданский – ядовитый червь,
Грызущий внутренности государства...*

Юн годами, значит. Сам это признает. Так все-таки сколько Генриху лет?

За сценой крики: «Бей бурые кафтаны!»

Бурые кафтаны, как вы помните из сцены перед Тауэром, – это слуги епископа. Значит, в данный момент кто-то призывает восстать против Винчестера. Кто? Нам уже заявили его непримиримого врага, герцога Глостера.

– *Что там за шум?* – спрашивает король.

– Я уверен, что смуту затеяли люди прелата, – тут же отзывается граф Уорик.

Снова крики: «Камней! Камней!» Входит лорд-мэр Лондона.

– Ваше величество! Уважаемые лорды! Пожалейте наш город и его жителей, велите протектору и епископу отозвать своих людей. Мы издали запрет на ношение оружия – так они набили карманы камнями и «*молотят друг друга по башкам, на улице все окна перебили*». Торговцы даже вынуждены были закрыть лавки.

Входят, продолжая драться, слуги Глостера и епископа Винчестерского с окровавленными головами.

– Повелеваю вам прекратить! – царственно произносит король. – Дядя Глостер, уймите эту драку.

– Ну уж нет! – отзывается один из дерущихся, обозначенный как Первый слуга. – Даже если вы запретите нам использовать камни в качестве оружия, мы им зубами в глотку вцепимся.

– Только попробуй! – отвечает ему Второй слуга, противник по драке. – Мы вам не уступим!

Снова дерутся.

Глостер пытается остановить драку, уговаривает слуг прекратить «*беззаконный бой*», однако Третий слуга выступает с длинной речью:

– Ваша светлость, мы знаем, что вы человек прямой и справедливый и происхождением уступаете только королю. Мы не допустим, чтобы *«чернильная душонка»*, этот епископ, оскорблял такого человека, как вы, родного отца всей нашей Англии. И мы сами, и наши жены и дети готовы погибнуть за вас.

Первый слуга подтверждает готовность пасть смертью храбрых за милорда Глостера, мол, если мы умрем, то подметки наших башмаков будут сражаться вместо нас.

Снова дерутся.

– Стойте! – кричит Глостер. – Если вы действительно преданы мне, *«послушайте меня и бросьте драку»*.

Король Генрих заводит слезливую песню о том, как он любит мир и не любит ссоры.

– *О, как раздор мне угнетает душу!* Милорд Винчестер, разве вас не трогают мои слезы и стоны? Неужели вы не смягчитесь? *«Кому быть милосердным, как не вам?»* Если вы, слуга церкви, так любите ссориться, то как вообще можно уговорить людей жить в мире?

Нытье юного короля, судя по всему, никого не трогает, и дело берет в свои руки граф Уорик:

– Прелат и герцог, уступите друг другу и помиритесь. Ваш отказ прекратить ссору может пагубно сказаться на судьбах страны и нашего государя. Смотрите, сколько бед и смертей уже породила ваша несчастная распря! Помиритесь, если не хотите, чтобы кровопролитие продолжалось.

Епископ упирается:

– Пусть Глостер смирится, а я не уступлю.

Глостер, как человек законопослушный (к тому же автор явно ему симпатизирует), говорит:

– Мне очень жаль короля, поэтому я уступлю, конечно. Но если бы не король, я бы своими руками вырвал сердце у Винчестера.

– Смотрите, епископ, герцог Глостер *«из сердца ярость лютую изгнал»* и успокоился. Вам тоже пора перестать злиться, – продолжает уговаривать Уорик.

Глостер протягивает епископу руку.

– *Винчестер, вот тебе моя рука.*

Епископ никак не реагирует, и вынужден подключиться сам король Генрих:

– Стыдитесь, дядя Бофор. Вы же сами меня учили, что злоба – великий грех. Неужели вы хотите взять такой грех на душу?

– *Не стыдно вам, епископ?* – поддакивает Уорик. – Король вам преподал урок. Уступите. Неужели вас не коробит, что малое дитя вынуждено учить вас добру?

Епископ Винчестерский, наконец, протягивает руку Глостеру:

Ну, так и быть. Любовью на любовь

Отвечу я, пожатьем на пожатье.

Глостер, разумеется, замечает отсутствие искренности в этом вынужденном перемирии, поэтому бормочет себе под

нос: «Подозреваю, что никакой любви и примирения у него в сердце нет». Но вслух произносит:

– Смотрите, друзья, мы пожали руки, и это означает, что отныне между нами мир. И бог мне свидетель: я говорю искренне, без лицемерия.

Епископ тоже говорит сам себе: «Мало ли что я пообещал, выполнять все равно не собираюсь». Иными словами, автор подчеркивает характеристики своих героев: Глостер предвидит обман, но он благородный дворянин и готов следовать слову чести, епископ же Винчестерский изначально не собирается держать данное слово, то есть он подлый и коварный.

Король от всей души радуется, что дядюшки помирились (один-то и вправду дядя, но другой – дед, хотя в английской традиции принято не вникать в тонкости родственных связей – у них все, кто не родители и не родные братья-сестры, именуется дядями-тетями и кузенами). Генрих просит слуг последовать примеру их хозяев, помириться и разойтись.

Первый слуга отвечает:

– Я готов. Раз все закончилось – пойду к лекарю.

– Я тоже, – подхватывает Второй.

– *А я лекарства поищу в трактире,* – весело сообщает Третий. Вероятно, квалифицированная медицинская помощь ему не нужна, хватит и чего-нибудь крепкого для восстановления сил.

Лорд-мэр, слуги и другие уходят.

Граф Уорик подает королю прошение Плантагенета о вос-

становлении в правах. Герцог Глостер поддерживает просьбу:

– Я уверен, ваше величество, что вы все взвесите и найдете основания для возвращения титула Ричарду Плантагенету.

Генрих не возражает.

– Да, эти основания имеют силу, – говорит он. – Мы возвращаем Плантагенету все кровные права.

– Я тоже согласен, я как все, – тут же заявляет епископ Винчестерский.

– Если Ричард Плантагенет будет нам верен, – продолжает король, – он получит не только права Мортимеров, но и права доблестных Йорков, которым он приходится родственником и наследником.

– Клянусь быть вашим покорным слугой до конца дней, – торжественно обещает Плантагенет.

Король церемонно провозглашает Ричарда *«истинным Плантагенетом»* и *«вновь пожалованным герцогом Йоркским»*. Ричард в ответ произносит все положенные по протоколу слова о долге и грозит убить всех, кто замыслит зло на государя.

Все хором произносят:

– *Привет тебе, могучий герцог Йорк!*

Однако ж граф Сомерсет общего восторга не разделяет, и пока все поздравляют новоиспеченного герцога, он бурчит: *«Погибни ты, презренный герцог Йорк»*.

Глостер напоминает королю, что пришло время плыть во Францию и короноваться, как было прописано в договоре, заключенном между Генрихом Пятым и французским королем Карлом Шестым Безумным. Учитывая, что коронация Генриха в Париже состоялась в 1431 году, можно полагать, что «юному годами» королю в данной сцене около 9 лет. Но на расчеты Шекспира полагаться, конечно же, нельзя: он датами и сроками вообще не заморачивался.

Король публично подчеркивает главенствующую роль своего дяди Хамфри Глостера:

*По слову Глостера король идет;
Так дружеский совет врагов сметет.*

Глостер сообщает, что корабли готовы к отплытию.

Трубы. Уходят все, кроме Эксетера.

А вы, поди, уже и забыли, кто такой Эксетер? Не мудрено: автор бросил этого персонажа еще в первой сцене первого акта. Похоже, он и сам забыл, что такой человек есть в его пьесе, он ведь после Сцены 1 даже не упоминается в репликах других действующих лиц. Герцог Эксетер – это Томас Бофор, родной брат Генри Бофора, епископа Винчестерского, лорд-адмирал Англии, член регентского совета при малолетнем короле. Вспомнили? Настоящий Томас Бофор, герцог Эксетер, вообще-то давно уже умер, в 1426 году, то есть при том парламенте он еще был жив, а вот события вокруг

Орлеана и все последующие случились уже после его смерти. Но это ничего, мы привыкли и внимания не обращаем.

Ничего важного для сюжета в монологе герцога Эксетера нет, в нем звучат только тревожные предсказания, дескать, неизвестно, что теперь нас ожидает в связи с враждой Глостера и епископа, и похоже, что все будет очень плохо.

Сцена 2

Франция. Перед Руаном

Входят переодетая Жанна д'Арк и четыре солдата, одетые крестьянами, с мешками на плечах.

Скажу сразу: в этой сцене не будет никаких комментариев по поводу соответствия фактам Столетней войны, ибо они смысла не имеют. Эпизод выдуман Шекспиром от начала до конца, поэтому комментировать тут абсолютно нечего. Жанна д'Арк никогда не брала Руан с французскими войсками, этот город оставался под властью Англии еще много лет после ее смерти.

Итак, Жанна привела солдат, переодетых крестьянами, к воротам Руана. Перед ними стоит задача проникнуть в город под видом торговцев зерном, обследовать территорию, найти самое уязвимое для атаки место и подать сигнал дофину Карлу, что он может идти на приступ.

Они стучат в ворота, представляются бедными фран-

цузскими крестьянами, которые пришли продать зерно, их выпускают. Жанна твердо уверена, что уж теперь-то Руан падет!

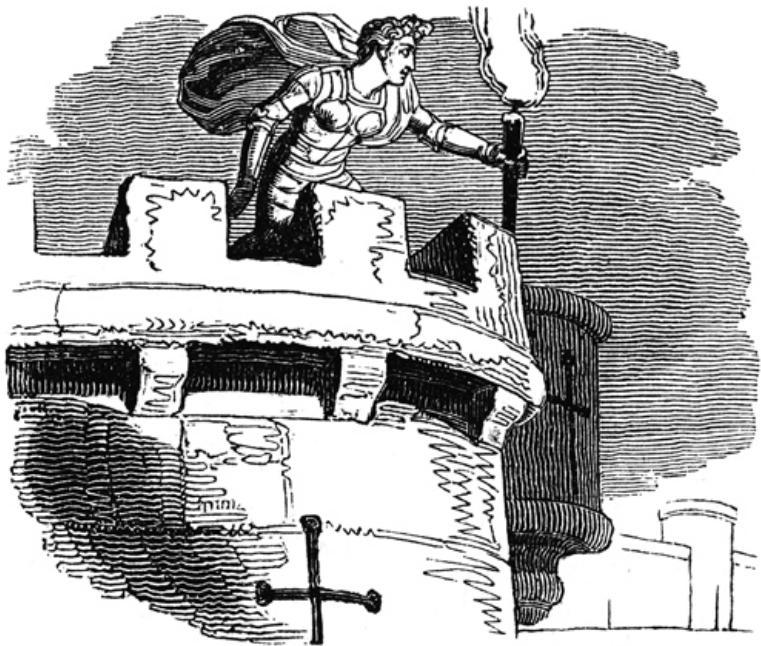
Входят Карл, Бастард Орлеанский, Алансон, Рене и войско.

– Если Жанна найдет безопасный путь для вторжения, как она даст нам знать? – спрашивает Бастард.

– Она зажжет факел на башне. Это будет означать, что тот путь, которым она сама вошла в город, защищен слабее всего, – объясняет Алансон.

А тут как раз и Жанна поднимается на стену с пылающим факелом в руках. Военачальники воодушевленно собираются на штурм города. Затем на сцене появляется сражающийся Толбот, из слов которого становится понятно, что французы победили, англичане сдали Руан, и виновата во всем «проклятая колдунья, злая ведьма». Слышится шум битвы, на сцене происходят стычки.

Далее из города выносят в кресле герцога Бедфорда. Входят с ним Толбот и герцог Бургундский. Затем на стену всходят Жанна д'Арк, Карл, Бастард, Алансон и Рене.

Жанна с факелом

Жанна ведет себя вызывающе и грубо, открыто глумится над побежденными англичанами, Толбот не остается в долгу, называя ее «*мерзостной ведьмой*», и предлагает французам сразиться на поле боя, потому что взятие города хитростью и коварным предательством не может считаться достойной победой. Французские военачальники отказываются, чем вызывают презрение великого полководца Толбота:

Погонищники мулов!

Как мужики, засели за стеной;

Не смеют выйти в поле, как дворяне!

Жанна уводит французов со словами:

Взор Толбота добра не предвещает. –

Храни вас бог, милорд. Мы приходили

О том лишь доложить вам, что мы здесь.

Жанна д'Арк и другие уходят со стены.

Комментарии, как говорится, излишни. Можно исписать целую страницу, издеваясь над наивностью автора пьесы, который думает, что такими дешевыми трюками он может укрепить военную славу Англии и «лично товарища Толбота», а заодно и «опустить» французов. Фальсификация – повод для смеха, что правда, но в таких масштабах это уже не смешно. Поэтому лучше я промолчу. Вы сами все видите.

Джон Толбот клянется сделать все возможное, чтобы вернуть Руан под власть Англии. Герцог Бургундский с ним солидарен. Они предлагают герцогу Бедфорду перебраться в безопасное место:

– Так требуют недуг и возраст ваши.

Но Бедфорд категорически отказывается:

– Я буду здесь сидеть, пусть солдаты меня видят, это поднимет их боевой дух.

– Довольно слов, – решительно говорит Толбот. – *«Сберем свою рассеянную рать и по врагу хвастливому ударим».*

Уходят все, кроме Бедфорда и его слуг.

Шум битвы. Стычки. Входят сэр Джон Фастолф и офицер.

– Куда вы так спешите, сэр Фастолф? – спрашивает офицер.

– *Куда я так спешу? Спасаясь бегством. Мне кажется, опять нас разобьют,* – отвечает Фастолф.

Офицер ушам своим не верит.

– Вы что, бросаете Толбота?

– Да я готов всех Толботов на свете бросить. Жизнь дороже.

Фастолф уходит, офицер бросает ему вслед презрительные обвинения в трусости и пожелания погибнуть.

Фу-у, какая пакость... Ну вот зачем возводить клевету на человека? Зачем порочить его репутацию? Да, я понимаю, во времена Шекспира принято было думать, что Джон Фастолф проявил трусость при Орлеане. Ну ладно, про Орлеан автор все сказал, все нам показал, Фастолфа детально обсудил, но для чего же придумывать еще и то, чего не было? Подбросить дров в топку ненависти, чтобы оттенить смелость и мужество Толбота? Может, и так. Но все равно противно.

Звучит сигнал отбоя. Стычки. Из города выбегают Жанна д'Арк, Алансон, Карл и другие.

Бедфорд с удовлетворением смотрит, как бежит поверженный враг, и произносит предсмертную речь, мол, я увидел разгром французов – теперь можно помирать с чистой совестью. Он умирает, *его уносят в кресле.*

Шум битвы. Входят Толбот, герцог Бургундский и другие.

– Надо же! Потеряли город и в тот же день вернули! – шумно радуется Толбот. – Это не просто победа, это двойная победа и двойная слава!

Бургундец отвечает высоким комплиментом военным талантам и доблестям Толбота.

– А где же Дева? – язвительно спрашивает Толбот. – Где хвастливый Бастард? Где дерзкий Карл? Никого нет. Ничего, мы восстановим в городе порядок, поставим опытных офицеров, а сами поедем в Париж. Туда прибыл юный Генрих, наш король, для коронации. Только сначала нужно организовать достойные похороны Бедфорда. Он был храбрым воином и очень добрым человеком.

*Но и король, и мощный властелин
Подвластны смерти. Всем конец один.*

Правда здесь только в том, что герцог Бедфорд действительно похоронен в Руане. Все прочее – плод авторской фантазии.

Сцена 3

Равнина близ Руана

Входят Карл, Бастард, Алансон, Жанна д'Арк и войско.

Жанна старается подбодрить своих полководцев:

– Случайное поражение – не повод для отчаяния, – говорит она. – Если ничего невозможно исправить, то уныние все равно не поможет. Если вы пойдете за мной, я приведу вас к победе.

Дофин Карл ей верит.

– До сих пор ты руководила нами, и мы не сомневались в твоём воинском искусстве. Одно поражение ничего не значит.

Почему же одно-то? Совсем недавно нам показали, как французы во главе с Жанной бежали из Орлеана в одном белье, когда город отбили англичане. Шекспир уже забыл об этом? Или Карл и Жанна забыли? Второе – маловероятно, так что скорее первое. Когда наспех переделываешь чужое, косяки неизбежны.

– Давай, Жанна, придумай еще какую-нибудь хитрость, – просит Бастард Орлеанский.

– Да уж, придумай, – вторит ему Алансон, – позаботься о нас.

– У меня есть план, – говорит девушка. – Мы перевербуем герцога Бургундского. Пусть бросит Толбота и идет с нами.

– Ох, милая, если у нас это получится, мы будем в полном шоколаде. Тогда мы уж наверняка прогоним англичан из Франции, – мечтает дофин Карл.

– Точно, прогоним навсегда, – поддакивает Алансон. – У них даже самого крохотного графства здесь не останется.

– Вот увидите, у меня все получится, – самоуверенно обещает Жанна.

В отдалении слышны барабаны.

– О! Слышите? Английские войска направляются в Париж, – говорит она.

Английский марш. Входит и проходит в отдалении Толбот со своим войском. Затем звучит французский марш. Входит герцог Бургундский со своим войском.

– Нам повезло, – говорит Жанна, – герцог в арьергарде, он отстал от своих. Вот сейчас мы его и отловим для разговора.

Трубят к переговорам. Дофин Карл громко объявляет:

– *Переговоры с герцогом Бургундским!*

– Что ты мне скажешь, Карл? – недовольно спрашивает герцог. – Говори быстрее, я тороплюсь.

Карл шепчет Жанне:

– Давай, постарайся, уболтай его.

Бургундский герцог, Франции надежда,

Помедли, выслушай твою служанку, – велеречиво начи-

нает Жанна.

– *Что ж, говори, но только покороче.*

И Жанна начинает льстивую вкрадчивую песню о том, как прекрасна Франция, как она страдает от войны и как будет хорошо, если славный воин герцог Бургундский направит свой меч в другую сторону и начнет воевать против англичан. Тогда Франция перестанет истекать кровью и сможет залечить свои раны.

Герцог начинает колебаться, слова Жанны производят на него впечатление. А Жанна меж тем продолжает излагать свои аргументы:

– Сейчас англичане тебя облизывают и всячески превозносят, потому что ты им нужен. Как только они победят и утвердятся во Франции, они об тебя ноги вытрут, ведь ты для них перебежчик, изменник, а изменников никто не любит, им не доверяют. Предал один раз – предаст и во второй. До поры до времени они об этом не говорят, пока пользуются твоими деньгами и твоими солдатами, но когда все закончится – сразу вспомнят. Веры тебе не будет, и карьеру ты у них не сделаешь. С тобой быстро расправятся. Ты воюешь против своей родины плечом к плечу со своими будущими палачами, не забывай об этом. Лучше вернись к дофину Карлу, он и его соратники с радостью примут тебя.

Вообще-то во всей этой ситуации нет ни капли смысла. Ну да, герцог Бургундский Филипп Добрый действительно воевал вместе с англичанами и потом разорвал отношения с ни-

ми, да только Жанна к тому моменту давно уже была казнена путем сожжения на костре. Вы ведь не забыли, что король Карл Шестой Безумный лишил своего сына, дофина Карла, права наследовать престол за то, что кто-то из близких приятелей дофина по недоразумению убил батюшку нынешнего герцога Бургундского? Тем самым и без того непростые отношения Франции и Бургундии были испорчены окончательно. А сынок убиенного, нынешний герцог Бургундский, просто хотел поквитаться за смерть отца и сделать пакость дофину, потому и примкнул к англичанам. Какой же смысл ему переходить на сторону Карла? Ровно никакого. Более того, Жанна абсолютно права насчет отношения к изменникам и перебежчикам, а это означает, что после победы французов несчастного бургундца, вернись он к Карлу, ожидает точно такая же участь, какую ему только что напроорочила Дева на случай победы англичан.

Однако шекспировский герцог далек от всех этих резонансов, он наслушался патриотических речей и «поплыл».

Возвышенную речью

Она меня сразила, как пальбой;

Прости, отчизна! Земляки, простите!

От сердца дайте вас, друзья, обнять.

Вся власть моя и все солдаты – ваши. –

Прощай же, Толбот, я тебе не вверюсь.

Видите, как все просто. Даже Жанна, слушая герцога, не

может удержаться от ухмылки:

– *Вот истинный француз: то их, то наши.*

Это уж совсем как-то не политкорректно, господа. Понятно, что перед автором стояла задача максимально возвысить англичан и столь же максимально унижить французов, но все-таки рамочки-то надо знать...

Карл, Бастард и Алансон наперебой приветствуют перевербованного герцога Бургундского, высоко оценивают мастерство Жанны в переговорах и готовятся составлять новый план военной кампании.

Сцена 4

Париж. Дворец

Входят король Генрих VI, Глостер, епископ Винчестерский, Йорк, Сеффолк, Сомерсет, Уорик, Эксетер, Вернон, Бассет и другие. Навстречу им Толбот со своими офицерами.

Джон Толбот обращается к королю Генриху:

– Я узнал про ваш приезд во Францию и приостановил военные действия, чтобы иметь возможность прибыть к вам и засвидетельствовать свое почтение. Слава всех моих побед – заслуга Господа и лично ваша, мой повелитель.

В общем, «дорогой товарищ Леонид Ильич Брежнев». Мы это тоже проходили.

Король спрашивает у Глостера:

– Дядя Глостер, это тот самый Толбот, который так давно воюет во Франции?

– Да, государь, тот самый.

*– Приветствую вас, славный полководец,
Победоносный лорд! Когда был юн я, –
Хоть и теперь не стар, – отец мой, помню,
Говаривал, что не бывало век
Бойца отважней вас...*

Очень хорошо. Помнит, значит, он, как отец говорил. Когда Генрих Шестой родился? 6 декабря 1421 года. А папа его, Генрих Пятый, умер 31 августа 1422 года. Младенцу было чуть меньше девяти месяцев. И он, конечно же, отлично помнит папины рассказы о войне. Опять Шекспир забыл, о чем написал в Сцене 1 первого акта. Или начало пьесы все-таки написано не им? Ох ты боже ж ты мой...

– Мы прежде ни разу не встречались, – продолжает король, – и так вышло, что вы не получили от меня ни наград, ни благодарностей. Сейчас мы это исправим. Я жалую вам титул графа Шрусбери. Займите достойное вас место на церемонии коронации.

Трубы.

Уходят все, кроме Вернона и Бассета.

Вернон, как мы помним, сторонник Ричарда Плантагенета, нового герцога Йоркского. В последующем диалоге нам

показывают, что Бассет – сторонник алой розы, то есть графа Сомерсета. Дворяне начинают словесную перепалку, которая переходит в драку: Вернон наносит Бассету удар.

Бассет возмущен до глубины души.

– Мерзавец! Ты же знаешь закон военного времени: тому, кто обнажил меч вне поля боя, положена смертная казнь. Если бы не этот закон, я бы сейчас достал оружие и убил тебя. Но я пойду к королю и попрошу у него разрешения расквитаться с тобой.

– Подлец! – отвечает Вернон. – Я тоже пойду к королю и тоже попрошу разрешения. Потом встретимся и посмотрим, чья возьмет.

Акт четвертый

Сцена 1

Париж. Тронный зал

Входят король Генрих VI, Глостер, епископ Винчестерский, Йорк, Сеффолк, Сомерсет, Уорик, Толбот, Эксетер, комендант Парижа и другие.

Глостер командует церемонией, епископ Винчестерский возлагает корону на Генриха Шестого, после чего Глостер требует у коменданта Парижа принести королю клятву верности.

Входит сэр Джон Фастолф, который сообщает, что когда он ехал из Кале в Париж на коронацию, ему передали письмо для короля от герцога Бургундского.

– Позор тебе и герцогу! – взрывается Толбот.

Отметим эту фразу. Позор Фастолфу – ладно, понятно. А почему «позор герцогу»? Казалось бы, ответ очевиден: из-за измены и перехода на сторону дофина Карла.

Далее Джон Толбот разражается гневной речью в адрес Фастолфа, втаптывает его в грязь и демонстративно срывает с него орден Подвязки. Толботу вторит Глостер:

Поистине, поступок тот позорен

*И воину простому не к лицу,
А рыцарю, начальнику – подавно.*

Вдоволь наслушавшись, как Толбот поносит Фастолфа, король Генрих выносит свой вердикт:

– Ты позор отчизны! Ты больше не рыцарь, ступай отсюда прочь, изгоняем тебя под страхом смерти.

Фастолф уходит.

– Теперь, милорд протектор, прочитайте нам, что пишет наш дядя, герцог Бургундский.

Бургундец, оказывается, тоже дядя королю. Я же предупредила: любая степень родства обозначается «дядей» или «кузеном», даже двадцатипятиюродная. А поскольку укреплять международные связи испокон веку принято было при помощи браков, то все высшее дворянство Европы находилось друг с другом в родственных отношениях той или иной степени близости.

Герцог Глостер открывает письмо.

– Что это значит? – недоумевает он. – Написано просто: «Королю», никакого уважения. Он что, забыл, что вы его государь? Или такой краткий титул свидетельствует о том, что бургундец изменил свое отношение к вам? – Читает:

*«По причинам чрезвычайным,
Скорбя о бедствиях родной страны,
Тобою угнетенным сострадая,
Я разорвал постыдный наш союз*

И под знамена Карла перешел».

– Какое чудовищное предательство! – продолжает Глостер. – Как такое могло произойти? Он же нам родственник, он клялся нам в верности – и так коварно изменил!

Получается, об измене бургундца все присутствующие узнали только сейчас, из письма. Тогда о чем же говорил Джон Толбот, произнося: «*Позор герцогу*»? Непонятно.

– Что, мой дядя герцог Бургундский пошел против меня? – уточняет король.

– Да, – подтверждает Глостер, – он теперь ваш враг.

– И это самая плохая новость, какая есть в письме?

Похоже, король не сильно озабочен. Если известие о предательстве бургундца – ерунда и ничего хуже в письме нет, то все нормально.

– Да, государь, кроме этой новости других в письме нет.

– Тогда пусть с ним поговорит лорд Толбот и покажет ему кузькину мать, – беззаботно приказывает король. – Что скажете, милорд Толбот? Вы довольны моим решением?

– Еще бы! – радостно отзывается Джон Толбот. – Я и сам хотел просить вас об этом, вы у меня буквально с языка сняли.

– Собирайте войска, идите и покажите ему, что мы не терпим измены и что над друзьями глумиться нельзя.

– Иду, государь. Надеюсь, вы увидите разгром ваших врагов.

Толбот уходит. Входят Вернон и Бассет, каждый из них просит короля разрешить поединок. Йорк и Сомерсет подтверждают, что это их слуги, и просят Генриха отнестись к ним с вниманием.

– А из-за чего сыр-бор? – интересуется король. – С кем вы хотите устроить поединок? И для чего?

– Я прошу разрешить мне драться с Бассетом, – говорит Вернон. – Он меня оскорбил.

– Чем он вас оскорбил? Расскажите нам, и я подумаю.

Первым излагает свою версию Бассет:

– Когда мы с Верноном плыли во Францию, он сказал, что кровавый цвет розы, которую я ношу, напоминает, какое красное лицо было у моего господина, когда он спорил с герцогом Йорком о правах на престол. Ну и еще много всяких обидных гадостей говорил про графа Сомерсета.

– Да неправда все это, – вступает Вернон, – все не так было! Бассет передергивает. Я ношу белую розу, и он первым начал меня подкалывать и говорить, что *«бледность моего цветка обозначает слабодушие Йорка»*.

– Когда же ты угомонишься, наконец, Сомерсет? – с упреком произносит Йорк, он же Ричард Плантагенет. Поскольку титул ему возвращен парламентом, теперь автор так и будет именовать этого персонажа. Не Плантагенетом, а Йорком. Ну и я вслед за ним.

– Да ты сам чуть не лопаешься от гнева, – парирует Сомерсет.

– Господи! – восклицает король Генрих. – Ну что у вас в головах творится, если из-за такой ерунды вы готовы поубивать друг друга! Кузены Сомерсет и Йорк, *«прошу вас, успокойтесь, помиритесь»*.

Йорк выказывает, правда, довольно скупое, готовность к примирению, дворяне же Вернон и Бассет настаивают на том, чтобы решить спор поединком. Тут у герцога Глостера заканчивается терпение.

– Вы просите согласия короля? Да пропади пропадом ваш спор! Будьте вы прокляты, надменные вассалы, с вашей тупой дерзкой болтовней! Вам не стыдно лезть с этим к королю и морочить головы достойным людям? А вы, милорды, – обращается он к Йорку и Сомерсету, – совсем распустили своих приближенных. Почему вы вообще допускаете такие пререкания? Вы что, не понимаете, что подобные разговоры могут в любой момент обернуться разжиганием вражды между вами? Вам обоим пора образумиться.

– Миритесь, – подает голос Эксетер, – не расстраивайте короля.

Король Генрих произносит длинную миротворческую речь. Жаждающим драки дворянам он грозит своим гневом, если они не оставят спор и не забудут его причину. Их хозяев, Йорка и Сомерсета, он призывает вспомнить, что в данный момент они находятся на вражеской территории, и если противник узнает, что в среде англичан возник раздор и конфликт, французы немедленно этим воспользуются. И толь-

ко представьте себе, какой позор падет на наши головы, если все правители во всех странах узнают, что мы лишились Франции только потому, что в среде приближенных короля возникли разногласия из-за таких пустяков!

*О, вспомните отца завоеванья,
Мой возраст нежный и не потеряйте
Из-за безделки то, что стоит крови!*

Нежный возраст. Это сколько? По факту – 9 лет, но уж больно речи у короля взрослые.

– Я буду посредником в вашем споре, – продолжает Генрих Шестой. – Вот возьму и приколю себе на одежду алую розу. И что теперь? Вы будете думать, что Сомерсета я люблю больше, чем Йорка? Глупость полная! Они оба – родня мне, и я обоих люблю. И вообще, давайте жить дружно. Кузен Йорк, в знак доверия и расположения к вам я назначаю вас наместником во Франции. А вы, кузен Сомерсет, присоедините свою кавалерию к пехоте Йорка и воюйте вместе. Мы немного отдохнем в Париже, затем двинемся в Кале и оттуда – домой, в Англию. Надеюсь, скоро вы пришлете нам в подарок дофина Карла, герцога Алансона и всю их шайку.

Грубы.

*Уходят все, кроме Йорка, Уорика, Эксетера
и Вернона.*

Уорик обращается к Йорку:

– А наш король сегодня хорошо выступил в роли оратора, правда?

– Согласен. Но мне не нравится, что он приколот розу Сомерсета.

– Да брось! Это ничего не означает, я уверен. Не бери в голову. Обычная королевская прихоть.

– Хотелось бы надеяться, – вздыхает Йорк. – Ладно, оставим эту тему, у нас много других дел.

Уходят все, кроме Эксетера.

И снова Томасу Бофору, герцогу Эксетеру, не достается от автора никаких поступков, двигающих сюжет. Он и в этой сцене всего лишь «говорящая голова», подводящая итог произошедшему:

– Ричард Плантагенет молодец, что смолчал и не стал ввязываться. Могу себе представить, какая ярость в нем кипела, и хорошо, что никто ее не увидел. Как только среди вельмож начинается бешеный раздор – добра не жди.

*...всякому понятно,
Что бешеный раздор среди вельмож,
Заносчивость и козни при дворе,
И наглая грызня любимцев знати, –
Все предвещает пагубный исход.
Беда, когда в руках ребенка скипетр,
Но хуже, коль разлад родится лютый;
Приходят вслед за ним разгром и смуты.*

Скипетр, выходит, в руках все-таки у ребенка. Ладно, будем иметь в виду. А вообще-то монолог замечательный, очень-очень современный. Особенно должен он понравиться любителям всяческих аллюзий на политические темы. Читаем каждый день новости в интернете – и вспоминаем Шекспира.

Характеры действующих лиц обрисовываются еще четче. Король Генрих Шестой не переносит конфликтов, миролюбив, беззаботен, весьма легкомыслен, хочет всех любить и ни с кем не ссориться. Можно подумать, что он и вправду еще совсем дитя. Однако все, что мы знаем о фактических обстоятельствах правления этого монарха, говорит о том, что он и в самом деле был именно таким до самой своей смерти: мягким, любящим, неконфликтным, набожным, слабым управленцем и никудышным королем.

Дядя короля герцог Глостер и двоюродный дед герцог Эксетер – мудрые политики, понимающие, что конфликты опасны и междоусобица разрушительна. Претендент на трон Ричард Плантагенет, герцог Йоркский, ведет себя сдержанно, но не потому, что видит губительность ссоры в верхах, а исключительно в целях самосохранения, дабы не продемонстрировать раньше времени свою решимость добиться законно положенного (ну, как он сам считает). Граф Сомерсет же сдержанностью не отличается и при каждом удобном случае старается поддеть своего соперника Йорка.

Сцена 2

Перед Бордо

Входит Толбот под звуки труб и барабанов.

Пересказывать реплики в этой сцене бессмысленно, ибо они написаны только для того, чтобы дать зрителю представление о расстановке сил. Толбот вызывает на переговоры командующего французскими войсками, и вся сцена – это три монолога: два из них произносит Джон Толбот, один – французский полководец.

Толбот требует, чтобы город немедленно сдали английским войскам, в противном случае обещает *«голод, острый меч и жадный пламень»*, иными словами, все сожжем, всех уьем, а кого не уьем – те с голоду перемерут. На этот ультиматум комендант отвечает, что город отлично укреплен и англичанам его не взять, а вот войска дофина как раз подходят в тыл вражеской армии, так что теперь Толбот со своей армией окажется в ловушке. Французский военачальник признает, что Толбот – прекрасный полководец и отважный воин, но в сложившихся обстоятельствах ему все равно не победить. В это время слышатся барабаны армии дофина, и Джон Толбот понимает, что *«в военном оплошали мы искусстве»*. Но он полон решимости биться до конца, не жалея жизни.

Сцена 3

Равнина в Гаскони

Входит Йорк с войском, к нему подходит гонец.

Йорк спрашивает, вернулись ли назад разведчики, которым было предписано следить за армией дофина.

– Вернулись, – докладывает гонец. – Они сообщают, что дофин с армией направился в Бордо, чтобы дать бой Толботу, и по дороге к ним примкнули два крупных отряда.

– Проклятый негодяй Сомерсет! Почему он до сих пор не прислал мне кавалерию для подкрепления? – негодует Йорк. – Лорд Толбот ждет от меня помощи, а я ничего не могу сделать, потому что этот мерзавец, этот изменник меня дурачит!

Интересное высказывание. А что, собственно говоря, мешает самому Йорку выдвинуться на помощь Джону Толботу? Или он без Сомерсета шагу ступить не может? Конечно, король сказал: «Воюйте вместе», но разве это означает «в обнимку»?

Входит сэръ Уильям Люси.

Он прибыл от Толбота, войска которого попали в окружение в Бордо, и просит как можно скорее прийти на помощь.

В такой подмоге спешной никогда

*Мы не нуждались на земле французской.
В Бордо, отважный герцог Йорк, в Бордо!
Иль Толбот, Франция и честь, прощайте!*

Очевидно, ситуация в Бордо действительно критическая. Что же отвечает Йорк?

– Эх, если бы вместо Толбота там сейчас был Сомерсет, я бы только порадовался. Пусть бы Сомерсет погиб, а мы сохранили бы отважного бойца Толбота.

– Помогите Толботу! – снова просит Люси.

– Если французы победят, виноват будет Сомерсет, – гнет свое Ричард Йоркский.

То есть вместо того, чтобы трубить сбор и срочно выдвигаться в сторону Бордо, наш Йорк думает только о том, какой негодяй Сомерсет и как было бы хорошо, если бы он погиб или хотя бы оказался виноватым.

– К Толботу как раз сын приехал, – продолжает Люси, – они семь лет не виделись, я его встретил. Теперь, наверное, вместе и погибнут.

– Да, не вовремя сын приехал, – соглашается Йорк.

А вот дальнейший текст, произносимый герцогом Йоркским, имеет смысл процитировать целиком, без переложения, потому что в нем настолько отсутствует логика чувства, что даже самой простой разговорной речью ее не передать.

*Ах, не на радость сын придет милый, –
С ним встретится лорд Толбот у могилы.*

*Прочь! Задыхаюсь я, скорбя о том,
Что встретятся в час смерти сын с отцом.
Люси, прощай! Могу лишь проклинать
Того, кто не послал нам в помощь рать.
Пуатье, Блуа и Тура большие нет, –
Всего лишил нас подлый Сомерсет.*

Почему герцог Йоркский прогоняет Уильяма Люси? Причем дважды, то есть весьма настойчиво. Что значат слова «Прочь!» и «Люси, прощай!»? «Возвращайся к своему начальнику Толботу и воюй, а я здесь в уголке посижу»? Или «убирайся, не желаю больше тебя видеть»? И в том, и в другом случае требуются хоть какие-то пояснения, но их нет. Йорк, видите ли, «задыхается, скорбя» – так распереживался, что сын с отцом встретятся в неудачный момент и оба могут умереть. А о том, что погибнут сотни солдат, оставшиеся без подкрепления, он вообще не думает? Складывается впечатление, что он даже рад будет поражению Толбота в Бордо, потому что это позволит взвалить вину на Сомерсета. «Могу лишь проклинать того, кто не послал НАМ в помощь рать». Ага, нам. Не Толботу, а «нам». Это как понимать? Толбот сражается в одиночку, а Йорк со своими войсками стоит лагерем и в ус не дует. Но виноват во всем, конечно же, плохой парень Сомерсет. Очень удобная позиция, правда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.